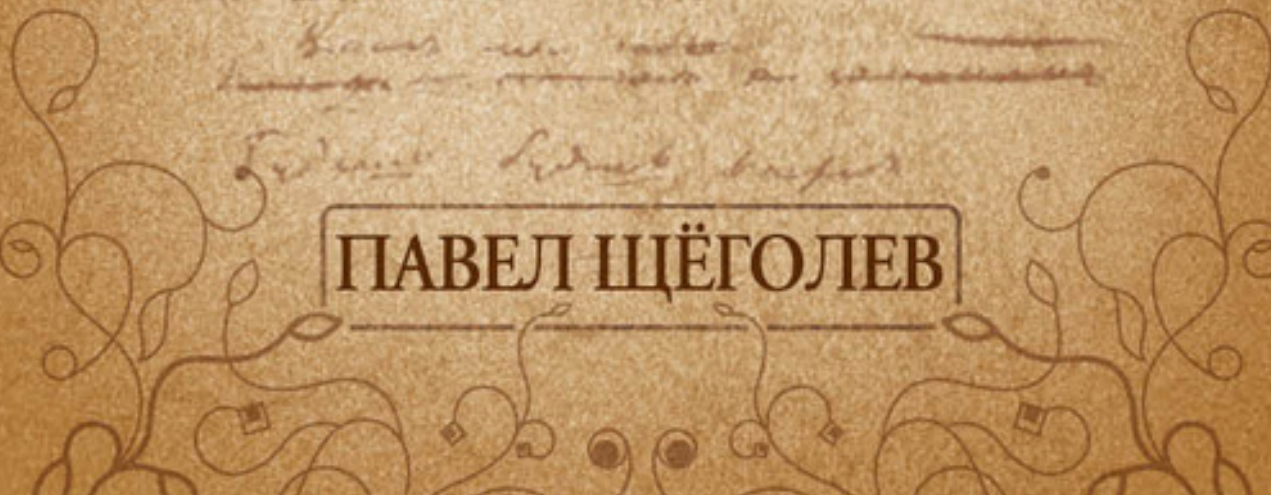

Жизнь Пушкина

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА

ПАВЕЛ ЩЁГОЛЕВ

Павел Щеголев

Дуэль и смерть Пушкина

«Алгоритм»

1928

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Щеголев П. Е.

Дуэль и смерть Пушкина / П. Е. Щеголев — «Алгоритм»,
1928

ISBN 978-5-6995-5039-5

Дуэль Пушкина по-прежнему окутана пеленой мифов и легенд. Классический труд знаменитого пушкиниста Павла Щеголева (1877–1931) содержит документы и свидетельства, проясняющие историю столкновения и поединка Пушкина с Дантесом. В своей книге исследователь поставил целью, по его словам, «откинув в сторону все непроверенные и недостоверные сообщения, дать связное построение фактических событий». «Душевное состояние, в котором находился Пушкин в последние месяцы жизни, – писал П. Е. Щеголев, – было результатом обстоятельств самых разнообразных. Дела материальные, литературные, журнальные, семейные; отношения к императору, к правительству, к высшему обществу и т. д. отражались тягчайшим образом на душевном состоянии Пушкина. Из длинного ряда этих обстоятельств мы считали необходимым – в наших целях – коснуться только семейственных отношений Пушкина – ближайшей причины рокового столкновения». Книга также издавалась под названием «Злой рок Пушкина. Он, Дантес и Гончарова».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-6995-5039-5

© Щеголев П. Е., 1928

© Алгоритм, 1928

Содержание

История последней дуэли Пушкина	7
1	7
2	14
3	18
4	31
5	35
6	41
7	44
8	48
9	55
10	57
11	63
12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Щеголев

Дуэль и смерть Пушкина

© Щеголев П. Е., 2012

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

© ООО «Издательство Эксмо», 2012

* * *

История последней дуэли Пушкина 4 ноября 1836 года – 27 января 1837 года

1

Благополучие рода Дантесов было прочно обосновано на рубеже XVII и XVIII столетий Жаном-Генрихом Дантесом (1670–1733), крупным земельным собственником и промышленником. У него были доменные печи, серебряные рудники, занимался он производством жести и учредил фабрику холодного оружия. Им было приобретено имение в Зульце, ставшее постоянным местопребыванием семьи Дантесов. В 1731 году Жан-Генрих Дантес был возведен в дворянское достоинство. Его ближайшие потомки ревностно служили своим королям и вступили в родственные связи со многими родовитыми семьями. Внук его Жорж-Шарль-Франсуа-Ксавье Дантес (1739–1803) был женат на баронессе Рейтнер де Вейль; в революционную эпоху он должен был эмигрировать, но ему посчастливилось: он не потерял своего состояния. Продолжателем рода был второй его сын – Жозеф-Конрад (1773–1852). Во время бегства Людовика XVI в Варенн он служил в тех войсковых частях, которые должны были под руководством маркиза Буилье содействовать бегству короля. Эмигрировав из Франции, он поселился в Германии, у своего дяди и крестного отца, барона Рейтнера, командора Тевтонского ордена. Вернувшись из Германии на родину в Зульц, он женился здесь в 1806 году на графине Марии-Анне Гацфельдт (1784–1832). От этого брака родился Жорж Дантес, которому суждено было стать убийцей Пушкина¹.

Графиня Гацфельдт принесла в семью Дантесов значительные родственные связи. Их следует отметить, так как ими объясняются кое-какие позднейшие отношения Жоржа Дантеса. Мать Дантеса принадлежала к роду Гацфельдтов. Отец ее – брат первого в роду князя Гацфельдта, бывшего губернатором Берлина во время оккупации его французами. Одна из его сестер была замужем за графом Францем-Карлом-Александром Нессельроде-Эресофен (1752–1816). Эта ветвь Нессельроде родственна той ветви, отпрыском которой является знаменитый «русский» граф Карл Нессельроде (1780–1862), канцлер и долголетний министр иностранных дел при императоре Николае Павловиче. Мать графини Гацфельдт, вышедшей за Дантеса, – графиня Фредерика-Элеонора Вартенслебен; ее сестра, графиня Шарлотта-Амалия-Изабелла Вартенслебен, родившаяся в 1759 году, вышла в 1788 году замуж за графа Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, русского дипломата, бывшего посланником в Стокгольме. Умерла она в России и похоронена в Москве, на иноверческом кладбище. На ее могильном камне значится: «Графиня Елизавета Федоровна Мусина-Пушкина, действительная тайная советница и кавалерственная дама. 127 августа 1835 года»².

Жозеф-Конрад Дантес, отец Жоржа Дантеса, получивший баронский титул при Наполеоне I, был верным легитимистом. В 1823–1829 годах он был членом палаты депутатов и принадлежал к правым. Революция 1830 года заставила его уйти в частную жизнь.

Жорж-Шарль Дантес родился 5 февраля 1812 г. нов. ст. Он был третьим ребенком в семье и первым сыном. Учился он первоначально в коллеже в Эльзасе, потом в Бурбонском лицее. Отец хотел отдать его в пажи, но в ноябре 1828 года не оказалось свободной вакан-

¹ Луи Метман, сын дочери барона Дантеса-Геккерена от брака ее с генералом Метманом, по нашей просьбе, составил биографическую справку о своем деде, которая изложена нами во второй части книги. обстоятельная биография Дантеса, составленная С. А. Панчулидзевым, помещена в «Сборнике биографий кавалергардов» 1825–1899, с. 75–92. Все остальные «биографии» Дантеса лишены какого-нибудь фактического содержания.

² Московский Некрополь, II, 298.

сии: была одна, и ту Карл X обещал герцогине Беррийской³. Поэтому Дантес был отдан в Сен-Сирскую военную школу. Зачисление его в списки школы состоялось 19 ноября 1829 года. Кончить курса барону Дантесу не удалось: он не пробыл в школе и года, когда произошла Июльская революция 1830 года. Ученики Сен-Сирской школы были настроены в это время совсем не либерально и в огромном большинстве были преданы Карлу X. Чтобы избежать возможных столкновений с народом, 1 августа 1830 года было предложено всем желающим ученикам взять отпуск до 22 августа. Но трехнедельный отпуск не помог и не истребил преданности законной монархии. 27 августа 1830 года начальник школы генерал Менуар доносил военному министру, что на 300 учеников с трудом найдется 60 человек, на подчинение которых новому правительству можно рассчитывать. «Другие, – писал генерал, – обнаруживают чувства прямо противоположные; вчера свистели при виде трехцветных значков, принесенных для упражнения; стены покрыли возмутительными надписями»⁴. В послужном списке Дантеса, хранящемся в архиве Сен-Сирской школы, отмечено, что 30 августа 1830 года он уволен был в отпуск, а 19 октября того же года уволен из школы по желанию семейства. Дантес был в числе преданных Карлу X. По рассказу *Луи Метмана*, «Дантес в июле 1830 года примкнул к той группе учеников школы, которая вместе с полками, сохранившими верность Карлу X, пыталась на площади Людовика XV выступить на его защиту. Отказавшись служить Июльской монархии, он вынужден был покинуть школу. В течение нескольких недель он считался в числе партизанов, собравшихся в Вандее вокруг герцогини Беррийской». Не сообщая более подробных сведений об участии Дантеса в Вандейском восстании, руководимом герцогиней Беррийской, г. *Метман* едва ли не повторяет здесь известные и ранее смутные слухи об этом участии, не имея других источников. Более определенных указаний на этот факт из биографии Дантеса мы не встречали.

После вандейского эпизода барон Жорж Дантес вернулся в Зульц к отцу. Его он нашел «глубоко удрученным политическим переворотом, разрушившим законную монархию, которой его род служил столько же в силу расположения, сколько в силу традицию».

О жизни Дантеса в лоне семьи его биограф сообщает: «На другой день после революции, рассеявшей все его надежды, молодой человек живого и независимого характера, каким был Жорж Дантес, не мог найти приложения своим склонностям в открывавшемся ему монотонном провинциальном существовании. Смерть баронессы Дантес в 1832 году усилила уныние родного очага. Жорж Дантес, которого отделяли от тогдашнего правительства политические взгляды его семьи, решил искать службы за границей, – по обычаю, в то время распространенному». Но из монотонного провинциального существования выталкивали Дантеса скорее всего обстоятельства чисто материального характера. Июльская революция не только разрушила законную монархию, но и сильно подорвала материальное благополучие семьи Дантесов. На руках Дантеса была огромная семья в шесть человек. Старшая дочь была замужем, но Июльская революция лишила ее мужа средств к существованию, и отцу приходилось содержать ее с мужем. У него же жила старшая его сестра, вдова графа Бель-Иля, с пятью детьми. Карл X назначил ей пенсию по 6000 франков, но революция отняла ее. Приходилось тратить на учение детей: второй его сын Альфонс и младшая дочь учились в Страсбурге. А прибытки барона Жозефа-Конрада Дантеса были невелики. Были долги и 18–20 тысяч франков ренты⁵. При таком положении дел мог явиться обузой и не кончивший курса сен-сирец, к тому же заявивший себя участником в демонстрациях против существовавшего правительства. Ему, действительно, надо было искать счастья и удачи на стороне; надо было собираться в отъезд.

³ Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве барона Геккерена письмо к отцу Дантеса от 20 ноября 1828 г.

⁴ Eugene Titeux. Saint-Cyr et l'école spéciale militaire en France. Paris, 1898, p. 293–298.

⁵ Данные о материальном положении Дантесов – в письмах старшего Дантеса к Геккерену.

Проще всего было бы устроиться в Германии, где у него было много немецких родственников. Через них он нашел покровительство у прусского принца Вильгельма. Его готовы были принять, благодаря такой протекции, в военную службу, но в чине унтер-офицера, а это звание казалось неподходящим не кончившему курса в Сен-Сирской военной школе: ему хотелось сразу стать офицером, и дело со службой в прусских войсках не устроилось. Тогда прусский принц дал Дантесу добрый совет ехать в Россию и здесь искать своего счастья. Принц оказал активную поддержку молодому Дантесу и дал ему рекомендательное письмо в Россию. Этот принц прусский Вильгельм (1797–1888), позднее Вильгельм, император германский (с 1861 г.) и король прусский, был в интимно-близких, родственных отношениях к русскому императору Николаю Павловичу: он был женат на его родной племяннице. Письмо принца было адресовано генерал-майору Адлербергу. Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884; с 1847 г. граф), один из приближеннейших к Николаю Павловичу людей, в 1833 году занимал пост директора Канцелярии военного министерства. В архиве Геккеренов хранится и по сей день письмо адъютанта прусского принца следующего содержания: «Его Королевское Высочество Принц Вильгельм Прусский, сын короля, поручил мне передать Вам прилагаемое здесь письмо к генерал-майору Адлербергу». Письмо датировано 6 октября 1833 года в Берлине. Дантес получил его здесь на руки, по пути в Россию. Одного этого письма было достаточно для того, чтобы Дантес мог питать самые пылкие надежды на успех своего путешествия. Кроме того, он, быть может, имел в виду использовать и связи отдаленного свойства с графиней Мусиной-Пушкиной, приходившейся ему двоюродной бабушкой.

Чего только не приводили в объяснение блестящей жизненной карьеры Дантеса, на какие только положения и обстоятельства не ссылались современники, а за ними и все биографы Пушкина, писавшие о Дантесе, не имея фактических данных и испытывая потребность объяснить карьеру Дантеса. Одни утверждали, что Геккерен – побочный сын короля голландского; другие – что он был особо отрекомендован Николаю Павловичу Карлом X⁶ и т. п. Наконец, пущен был в ход рассказ о случайной, а на самом деле подстроенной встрече Николая Павловича в мастерской французского художника с Дантесом и о глубоком впечатлении, которое последний произвел на русского государя.

В действительности ходатайство и рекомендация принца Вильгельма были самым лучшим свидетельством в пользу Дантеса в глазах императора Николая Павловича. К тому же молодой барон говорил сам за себя: он был легитимистом, манифестировал во имя Карла X, был в рядах повстанцев под знаменем герцогини Беррийской. Известно, как Николай Павлович ценил принцип легитимизма и как он покровительствовал легитимистам разных оттенков. Недаром французские легитимисты прибегали не раз к покровительству русского императора. Так в 1832 году граф Рошешуар искал поддержки планам Карла X и герцогини Беррийской при дворах нидерландском и русском: при первом он имел аудиенции у супруги наследного принца Анны Павловны, при втором имел конспиративные свидания с графом Нессельроде, Бенкендорфом и передал письмо герцогини русскому императору. И он был встречен сочувственно⁷.

Без сомнения, одной рекомендации Вильгельма Прусского было бы достаточно для наилучшего устройства Дантеса в России. Но Дантес был исключительно счастливый человек. Во время своего путешествия по Германии Дантес не только заручился драгоценным письмом Вильгельма, но и снискал покровительство, которое оказалось для него в Петер-

⁶ Известие о том, что Дантес был рекомендован Карлом X Николаю Павловичу, идет из осведомленного источника – от Р. Е. Гринвальда, командовавшего Кавалергардским полком («Vier Sohne eines Hauses», I, 204; см. *Панчулидзева*, назв. соч., 76). По-видимому, здесь просто смешение: покровительство Вильгельма было отнесено к Карлу X.

⁷ Comte de Rochechouart. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris, Plon-Nourrit, 1889.

бурге полезным в высшей степени: он встретил барона Геккерена, голландского посланника при русском дворе, и завоевал его расположение. Вместе с Геккереном он въехал в Россию.

Необходимо сказать несколько слов о Геккерене, которому суждено было играть такую видную и незавидную роль в истории последней дуэли Пушкина.

Сын майора от кавалерии Эверта-Фридриха барона ван-Геккерена (1755–1831) и Генриетты-Жанны-Сузанны-Марии графини Нассау, барон Геккерен де-Бевеерваард (полное его имя – Jacob-Theodore-Borhardt Anne Baron von Heeckeren de Beverwaard) принадлежал к одной из древнейших голландских фамилий⁸. Родился он 30 ноября 1791 года. По словам Метмана, Геккерен начал свою службу в 1805 году добровольцем во флоте. Тулон был первым портом, к которому было приписано его судно. Пребывание на службе у Наполеона оставило в Геккерене самые живые симпатии к французским идеям. В 1815 году было призвано к существованию независимое Королевство Нидерландское (Бельгия и Голландия), и Геккерен переменял род службы: из моряка стал дипломатом и был назначен секретарем нидерландского посольства в Стокгольме. В 1823 году он уже находился в Петербурге: в этом году нидерландский посланник при русском дворе Верстолк ван-Зелен выехал из Петербурга, а в отправление должности поверенного в делах вступил, 26 марта 1823 года, барон Геккерен. Через три года, представив 26 марта 1826 года верительные грамоты, он стал посланником или полномочным министром нидерландским в Петербурге. За свое долговременное пребывание в России Геккерен упрочил свое положение и при дворе и в петербургском свете. В 1833 году, отъезжая в продолжительный отпуск, он удостоился награды: государь пожаловал ему орден св. Анны 1-й степени как свидетельство своего высокого благоволения и как знак удовольствия по поводу отличного исполнения им обязанностей посланника. Среди дипломатов, находившихся в середине 1830–Х годов в Петербурге, барон Геккерен играл видную роль: по крайней мере, княгиня Ливен, описывая в письме к Грегу петербургских дипломатов, отмечает только двух «gens d'esprit» – барона Фикельмона и Геккерена⁹.

Таковы внешние, «формулярные», данные о Геккерене. Следует сказать несколько слов и о его личности. Не случись роковой дуэли, история, несомненно, не сохранила бы и самого его имени – имени человека среднего, душевно-мелкого, каких много в обыденности! Но прикосновенность к последней пушкинской дуэли выдвинула из исторического небытия его фигуру. Современники единодушно характеризуют нравственную личность Геккерена с весьма нелестной стороны. Надо, конечно, помнить, что все эти характеристики созданы после 1837 года и построены исключительно на основании толков и слухов о роли Геккерена в истории дуэли. Поэтому в этих суждениях о личности Геккерена слишком много непроверенных, огульных обвинений и эпитетов – один другого страшнее. Любопытно отметить, что ни князь Вяземский, ни В. А. Жуковский – друзья Пушкина и ближайшие свидетели всех событий – не оставили характеристики Геккерена, но, помянув его имя, не обнаружили того стремления сгустить краски, которое проникает все отзывы современников. Приведем отзыв Н. М. Смирнова, мужа близкой приятельницы Пушкина, известной А. О. Смирновой: «Геккерен был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли». Если Геккерен и был таков, то «проникших» его до рокового исхода дела было всего-навсего один человек, а этот человек был Пушкин.

⁸ Фактические сведения о Геккерене даны в *моей* статье («Пушкин», с. 340), в статье Н. В. Чарыкова «Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии» («Пушкин и его современники», вып. XI, с. 71–72) и в статье Метмана в настоящей книге (ч. 2, отд. VI). Не все сведения, сообщаемые последним, верны. Так, он называет Геккерена le demier-pê, тогда как У него был младший брат, потомство которого владеет в настоящее время, по свидетельству Н. В. Чарыкова, родовым именем Геккеренов-Бевеерваард.

⁹ См.: «Correspondence of Princess Lieven and Earl Gray», ed. and transl. by Guy le Strange. Vol. III, Lond. 1890, p. 22.

Любопытную характеристику Геккерена дает барон Торнау, имевший возможность наблюдать его среди венских дипломатов в 1855 году: «Геккерен, несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следовало ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах и древностях, много истратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которою потом любил дразнить других, знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной вещи неподлинной. Был Геккерен умен; полагаю, о правде имел свои собственные, довольно широкие понятия, чужим прегрешениям спуска не давал. В дипломатическом кругу сильно боялись его языка и хотя недолюбливали, но кланялись ему, опасаясь от него злого словца»¹⁰.

Из всех характеристик Геккерена принадлежащая барону Торнау – наиболее беспристрастная, наиболее удаленная от пушкинского инцидента в жизни Геккерена, но и это его изображение сохранило отталкивающие черты оригинала. В нашей работе собраны письменные высказывания барона Геккерена, неизвестные ранее, и сделана попытка фактического выяснения его роли в истории дуэли. На основании этих объективных данных можно будет восстановить образ Геккерена. Крепкий в правилах светского тона и в условной светской нравственности, но морально неустойчивый в душе; себялюбец, не останавливающийся и перед низменными средствами в достижениях; дипломат консервативнейших по тому времени взглядов, неспособный ни ценить, ни разделять передовых стремлений своей эпохи, не увидавший в Пушкине ничего, кроме фрондирующего камер-юнкера; человек духовно ничтожный, пустой – таким представляется нам Геккерен.

Как и когда произошло знакомство и сближение Геккерена и Дантеса? Осенью 1833 года голландский посланник возвращался из продолжительного отпуска к месту своего служения в Петербург. Как раз в это время в поисках счастья и чинов совершал свое путешествие и Дантес. «Дантес серьезно заболел проездом в каком-то немецком городе; вскоре туда прибыл барон Геккерен и задержался дольше, чем предполагал. Узнав в гостинице о тяжелом положении молодого француза и о его полном одиночестве, он принял в нем участие, и, когда тот стал поправляться, Геккерен предложил ему присоединиться к его свите для совместного путешествия; предложение радостно было принято». Так рассказывает А. П. Арапова, дочь вдовы Пушкина от второго ее брака. Источником ее сведений является позднейший рассказ самого Дантеса одному из племянников своей жены, т. е. одному из братьев Гончаровых¹¹.

¹⁰ Воспоминания барона Ф. Торнау – «Истор. вестн.», 1897 г., кн. 1, январь, с. 66.

¹¹ Нам известны два повествования А. П. Араповой об обстоятельствах последней дуэли Пушкина. Одна запись была предназначена для С. А. Панчулидзева, историка Кавалергардского полка, и использована им в биографии Дантеса. Другая, позднейшая и пространнейшая, запись предназначалась для печати и была помещена в приложениях к «Новому времени» в декабре 1907 и январе 1908 гг. (Ns 11406, 11409, 11413, 11416, 11421, 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449). Первая запись, с которой мы знакомы по отрывкам, приведенным С. А. Панчулидзевым, носит деловой характер, написана сжато, без художественных прикрас и лишних подробностей. Вторая запись готова перейти из области мемуарной литературы в область беллетристики. Для сравнения приводим по этой записи рассказ о встрече Дантеса с Геккереном: «Проезжая по Германии, он простудился; сначала он не придавал этому значения, рассчитывая на свою крепкую, выносливую натуру, но недуг быстро развился, и острое воспаление приковало его к постели в каком-то маленьком захолустном городе. Медленно потянулись дни с грозным признаком смерти у изголовья брошенного на чужбине путешественника, который уже с тревогой следил за быстрым таянием скудных средств. Помощи ждать было неоткуда, и вера в счастливую звезду покидала Дантеса. Вдруг в скромную гостиницу нахлынуло необычайное оживление. Грохот экипажей сменился шумом голосов; засуетился сам хозяин, забежали служанки. Это оказался поезд нидерландского посланника, барона Геккерена (d'Hekeren), ехавшего на свой пост при русском дворе. Поломка дорожной берлины вынуждала его на продолжительную остановку. Во время ужина, стараясь как-нибудь развлечь или утешить своего угрюмого, недовольного постояльца сопоставлением несчастий, словоохотливый хозяин стал ему описывать тяжелую болезнь молодого одинокого француза, уже давно застрявшего под его кровом. Скуки ради, барон полюбостествовал взглянуть на него, и тут у постели больного произошла их первая встреча. Дантес утверждал, что сострадание так громко заговорило в сердце старика при виде его беспомощности, при виде его изнуренного страданием лица, что с этой минуты он уже не отходил более от него, проявляя заботливый уход самой нежной матери. Экипаж был починен, а посланник и не думал об отъезде. Он терпеливо дождался, когда восстано-

Биограф Дантеса Луи Метман ограничивается глухим сообщением: «Дантес имел счастливый случай встретить барона Геккерена. Последний, привлеченный находчивостью и прекрасной внешностью Жоржа Дантеса, заинтересовался им и вошел в постоянную переписку с его отцом, который высказывал живейшую признательность за покровительство, сослужившее свою пользу как в военной карьере, так и в светских отношениях сына».

Луи Метман подыскивает объяснения увлечению Геккерена: голландский посланник, начавший свою службу во Франции, питал склонность к идеям французской культуры. Его юношеская дружба с герцогом Роган-Шабо (умер в 1833 году в сане Безансонского архиепископа) дала толчок религиозному перевороту. Геккерен принял католичество, и этот поступок уединил его и отдалил от его протестантской родни. Наконец, Луи Метман упоминает и об отдаленном свойстве, которое могло существовать между бароном Геккереном и рейнскими фамилиями, с которыми Дантес был в родстве по отцу и матери. В русской литературе о Дантесе нередко встречается утверждение о родстве его с бароном Геккереном в разных степенях близости вплоть до объявления Дантеса побочным сыном посланника. Родства никакого не было; при тщательном разборе, быть может, можно установить отдаленнейшие линии свойства. Во всяком случае, до сближения с Дантесом Геккерен не был даже знаком с отцом и семьей Дантеса¹². Но тут даже не свойство, а тень свойства.

Современники, реально настроенные, старались подыскать чисто реальные основания близости Геккерена и Дантеса, и выставленные ими основания были двух порядков: естественного и противоестественного. В русской литературе на все лады повторялось утверждение о родстве Геккерена с Дантесом и указывались разные степени родственной близости. Нередко современники заявляли о том, что Дантес доводился барону Геккерену просто-напросто побочным сыном. Фактических данных для подобного заявления не имеется, а на основании документов, опубликованных в нашей книге, можно категорически утверждать неверность всех сообщений о родстве Геккерена и Дантеса. Объяснение порядка, так сказать, противоестественного сводилось к утверждению, что посланник был близок к молодому французу по-особенному – извращенной близостью мужчины к мужчине¹³.

Как бы там ни было, отношения Геккерена к Дантесу, поскольку они засвидетельствованы его письмами и фактической историей, проникнуты необычайной заботливостью и нежностью. Поистине он был отцом родным Дантесу, и Дантес-отец сам признавал это и неоднократно выражал Геккерену свою глубокую признательность о сыне.

Но возвратимся к истории Дантеса. Рекомендательное письмо прусского принца было вручено Дантесу 6 октября (нов. ст.) 1833 года, и, вероятно, без замедления Дантес проследовал в Петербург. В хронике «Санкт-петербургских ведомостей» за 11 октября 1833 года читаем: «Пароход «Николай I», совершив свое путешествие в 78 часов, 8-го сего октября прибыл в Кронштадт с 42 пассажирами, в том числе королевский нидерландский посланник барон Геккерен». А с ним вместе «Николай I» привез и Дантеса.

На первых порах Дантес поселился в Английском трактире на Галерной улице.

Рекомендация была доставлена им по назначению и произвела должное действие. О Дантесе было доложено государю, и Адлерберг обнаружил большое расположение к ученику Сен-Сирской школы и оказал ему мощное содействие в деле экзаменов.

Он подыскал ему профессоров, которые должны были «натаскать» молодого сен-сирца по военным предметам, заручился поддержкой самого нужного в этом деле человека – Ивана Онуфриевича Сухозанета, в это время занимавшего должности члена военного совета,

ление сил дозволило продолжать путь, и, осведомленный о конечной цели, предложил молодому человеку присоединиться к его свите и под его покровительством въехать в Петербург. Можно себе представить, с какой радостью это было принято!»

¹² Неверны и наши сообщения о родстве Дантеса и Геккерена в книге «Пушкин», с. 344.

¹³ См. свидетельство князя А. В. Трубецкого в VIII отделе второй части нашей книги.

директора Пажеского, всех сухопутных корпусов и Дворянского полка и члена военно-учебного комитета. В архиве барона Геккерена хранятся два письма Адлерберга к Дантесу. В первом, от 23 ноября 1833 года, Адлерберг писал: «Внезапный отъезд, которого я не мог предвидеть, когда видел вас, мой дорогой барон, поставил меня в невозможность завязать условленные сношения с профессорами, которые должны руководить вашей подготовкой к экзамену; я искренно огорчился бы, если бы не был убежден, что генерал Сухозанет возьмет целиком на себя одного это дело, часть которого он уже взял. Если бы случайно он оказался не в состоянии сделать это, то нужно будет, дорогой барон, вам потерпеть до моего возвращения, и вы ничего не потеряете, так как мое отсутствие не продолжится больше двух недель». А 5 января 1834 года Дантес получил следующую примечательную записку от Адлерберга: «Генерал Сухозанет сказал мне сегодня, дорогой барон, что он рассчитывает подвергнуть вас экзамену сейчас же после Крещения и что он надеется обделать все в одно утро, если только всем профессорам можно будет быть одновременно свободными. Генерал уверил меня, что он уже велел узнать у г. Геккерена, где вас найти, чтобы уведомить вас о великом дне, когда он будет фиксирован; вы хорошо сделаете, если повидаете его и попросите у него указаний. Он обещал мне не быть злым, как вы говорите; но не полагайтесь слишком на это, не забывайте повторять то, что вы выучили. Желаю вам удачи. Ваш Адлерберг». В этой записке имеется еще любопытнейшая приписка: «Император меня спросил, знаете ли вы русский язык? Я ответил наудачу утвердительно. Я очень бы посоветовал вам взять учителя русского языка».

По высочайшему повелению 27 января 1834 года барон Дантес был допущен к офицерскому экзамену при Военной академии по программе школы гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, причем он был освобожден от экзаменов по русской словесности, уставу и военному судопроизводству. Экзамены Дантес выдержал, и 8 февраля был отдан высочайший приказ о зачислении его корнетом в Кавалергардский полк. А в приказе по Кавалергардскому полку 14 февраля 1834 года было отдано: «Определенный на службу по высочайшему приказу, отданному в 8 день сего февраля и объявленному в приказе по Отдельному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывший французский королевский воспитанник военного училища Сент-Сир барон Дантес в сей полк корнетом зачисляется в списочное состояние, с записанием в 7-й запасный эскадрон, коего и числить в оном налицо»¹⁴.

Каким-то темным предчувствием веет от записи в дневнике, сделанной Пушкиным 26 января 1834 года: «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию офицерами. Гвардия ропщет».

¹⁴ Панчулидзе, назв. соч., с. 76.

2

Из приведенного выше письма Адлерберга, писанного 5 января 1834 года, т. е. три месяца спустя после приезда Дантеса в Петербург, видно, что барон Геккерен являлся уже признанным покровителем Дантеса. Действительно, он выказал самую деятельную заботливость о молодом французе, хлопотал о помещении его на службу, заботился об его экзаменах, устраивал ему светские и сановные знакомства и, наконец, оказал ему самую широкую материальную поддержку. Дантес сообщил своему отцу в Зульц о добром к нему отношении Геккерена, а Дантес-старший поспешил высказать свои чувства в письме к Геккерену: «Я не могу в достаточной мере засвидетельствовать Вам всю мою признательность за все то добро, которое Вы сделали для моего сына; надеюсь, что он заслужит его. Письмо Вашего Превосходительства меня совершенно успокоило, потому что я не могу скрыть от Вас, что я беспокоился за его судьбу. Я боялся, как бы он, с его доверчивым и распушенным характером, не наделал вредных знакомств, но, благодаря Вашей благосклонности, благодаря тому, что Вы пожелали взять его под свое покровительство и выказать ему дружеское расположение, я спокоен. Я надеюсь, что его экзамен сойдет хорошо, так как он был принят в Сен-Сир четвертым по порядку (из 180 принятых вместе с ним)... Я принимаю с благодарностью предложение Вашего Превосходительства выдать ему на первые расходы по его экипировке и прошу Вас соблаговолить сообщить мне сумму Ваших издержек, дабы я мог вернуть их Вам. Доброе расположение Вашего Превосходительства дает мне право войти в подробности, которые покажут Вам все, что я могу сделать в настоящий момент для моего сына». Далее Дантес-отец говорит о своем материальном положении. Сын просил отца выдавать ему 800–900 франков ежемесячно, но для отца такая выдача была не по силам. Он мог ему дать всего 200 франков. Эта сумма вместе с жалованьем превосходила, по мнению отца, в три раза ту сумму, с которой можно было обойтись на французской службе. Если бы понадобилось, то с напряжением он мог бы еще увеличить выдачу, но лишь на время. Наконец, отец Дантеса согласился и еще на некоторые жертвы, если бы сын его попал в гвардию. Получив известие о зачислении сына в Кавалергардский полк, Дантес пишет восторженное письмо барону Геккерену: «Я сейчас узнал от Жоржа о его назначении и о том, что Вы соблаговолили для него сделать. Я не могу в достаточной мере выразить Вам мою благодарность и засвидетельствовать всю мою признательность. Жорж обязан своей будущностью только Вам, господин барон, – он смотрит на Вас, как на своего отца, и я надеюсь, что он будет достоин такого отношения. Единственное мое желание в этот момент – иметь возможность лично засвидетельствовать Вам всю мою признательность, так как со времени смерти моей жены это – первая счастливая минута, которую я испытал... Я спокоен за судьбу моего сына, которого я всецело уступаю Вашему Превосходительству...» Когда Дантес-отец писал последнюю фразу, он говорил просто из вежливости и вряд ли имел в виду реальное значение этих слов и уж наверно не думал, что через два года он действительно уступит своего сына барону Геккерену.

В действительности расположение и любовь барона Геккерена к Дантесу росли с каждым днем все больше и крепче. Можно сказать, что барон Геккерен души не чаял в молодом офицере, заботясь о нем с исключительной нежностью и предусмотрительностью. Родитель Дантеса и его семья не усматривали ничего странного в преданности барона Геккерена Жоржу. В 1834 году Дантес-старший имел возможность лично познакомиться с голландским посланником, который, путешествуя в Париж, нашел время заглянуть в Эльзас, на родину Жоржа. С течением времени у барона Геккерена возникла и окрепла мысль легализовать отношения, существовавшие между ним и Дантесом: он решил его усыновить; очевидно, неоднократно он доводил об этом до сведения Дантеса-старшего и, наконец, в начале

1836 года сделал отцу Дантеса формальное предложение дать согласие на усыновление им его сына. Дантес не удивился и согласился. Письмо его весьма любопытно, и некоторые выдержки из него необходимы для обрисовки взаимных отношений этих трех лиц.

«С чувством живейшей благодарности пользуюсь я случаем побеседовать с Вами о том предложении, которое Вы были добры делать мне столько раз, – об усыновлении Вами сына моего Жоржа-Шарля Дантеса и о передаче ему по наследству Вашего имени и Вашего состояния.

Много доказательств дружбы, которую Вы не перестали высказывать мне столько лет, было дано мне Вами, г. барон, это последнее как бы завершает их; ибо этот великодушный план, открывающий перед моим сыном судьбу, которой я не в силах был создать ему, делает меня счастливым в лице того, кто для меня на свете всех дороже.

Итак, припишите исключительно лишь крепости уз, соединяющих отца с сыном, то промедление, с которым я изъявляю вам мое подлинное согласие, уже давно жившее в моем сердце. В самом деле, следя внимательно за тем ростом привязанности, которую внушил Вам этот ребенок, видя, с какою заботливостью Вы пожелали блюсти его, пецись о его нуждах, словом, окружать его заботами, не прекращавшимися ни на минуту до настоящего момента, когда Ваше покровительство открывает перед ним поприще, на котором он не может не отличиться, – я сказал себе, что эта награда вполне принадлежит Вам и что моя отцовская любовь к моему ребенку Должна уступить такой преданности, такому великодушию.

Итак, г. барон, я спешу уведомить Вас о том, что с нынешнего Дня я отказываюсь от всех моих отцовских прав на Жоржа-Шарля Дантеса и одновременно даю Вам право усыновить его в качестве Вашего сына, заранее и вполне присоединяясь ко всем шагам, которые Вы будете иметь случай предпринять для того, чтобы это Усыновление получило силу пред лицом закона».

5 мая (нов. ст.) 1836 года формальности усыновления были завершены королевским актом – и барон Жорж Дантес превратился в барона Геккерена. 4 июня генерал-адъютант Адлерберг довел до сведения вице-канцлера о соизволении, данном императором Николаем Павловичем на просьбу посланника барона Геккерена об усыновлении им поручика барона Дантеса, «с тем, чтобы он именуем был впредь вместо нынешней фамилии бароном Георгом-Карлом Геккереном»¹⁵. Соответствующие указания на этот счет были даны правительствующему сенату и командиру Отдельного гвардейского корпуса.

К этому времени Дантес уже совершенно акклиматизировался в Петербурге и пустил прочные корни в высшем свете.

Служебное положение Дантеса тоже сильно укрепилось, несмотря на то, что он оказался неважным служакой. Хотя в формуляре его и значится, что он «в слабом отпращивании обязанностей по службе не замечен и неисправностей между подчиненными не допускал», но историк Кавалергардского полка и биограф Дантеса, на основании данных полкового архива, пришел к иному заключению. «Дантес, по поступлении в полк, оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он «садится в экипаж» после развода, тогда как «вообще из начальников никто не уезжал», то он на параде, «как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару»; то на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах или сюртуках, выходит в шлафроке, имея шинель в накидку». На учении слишком громко поправляет свой взвод, что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды «вольно» сидеть «совершенно распустившись» на седле; «эти упущения Дантес совершает не однажды, но они неоднократно наперед сего

¹⁵ См. «Дело об усыновлении» и т. д. в книге «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архива министерства иностранных дел». СПб., 1900.

замечаемы были». Мы не говорим уже об отлучках с дежурства, опаздывании на службу и т. п. 19 ноября 1836 года отдано было в полковом приказе: «Неоднократно поручик барон де Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей и он должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз». Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает цифры 44¹⁶.

Все эти неисправности не помешали движению Дантеса по службе. Мы знаем уже, что при назначении он получил чин корнета и зачислен был, при вступлении в полк, в 7-й, запасный, батальон. Перевод его в действующий батальон несколько задержался, так как к положенному для перевода из запасной части сроку Дантес еще не знал русского языка. Кажется, русского языка, как следует, Дантес так и не изучил. 28 января 1836 года Дантес был произведен в поручики, и на этом кончились его повышения на русской службе.

Блистательно складывались дела Дантеса в обществе, или, вернее, в высшем свете. Введенный туда бароном Геккереном, молодой француз быстро завоевал положение: он считался «l'un des plus beaux chevaliers gardes et l'un des hommes le plus a la mode» (Одним из самых красивых кавалергардов и одним из самых модных людей (фр.)). Своими успехами он обязан был и покровительству Геккерена и собственным талантам. Красивый, можно сказать, блестяще красивый кавалергард, веселый и остроумный собеседник внушал расположение к себе. Этому расположению не мешала даже некоторая самоуверенность и заносчивость.

Отзывы современников не в отталкивающем освещении рисуют Дантеса.

Полковой командир Гринвальд отзывался о Дантесе как о ловком и умном человеке, обладавшем злым языком. Его остроты смешили молодых офицеров. Несколько таких острот сохранил в своих воспоминаниях А. И. Злотницкий, вступивший в полк спустя несколько лет после трагической истории: «Дантес, – по его словам, – видный, очень красивый, прекрасно воспитанный, умный, высшего общества светский человек, чрезвычайно ценный, как это я видел за границей, русской аристократией. И великому князю Михаилу Павловичу нравилось его остроумие, и потому он любил с ним беседовать. В то время командир полка Гринвальд обыкновенно приглашал всех четырех дежурных по полку к себе обедать. Однажды во время обеда висевшая лампа упала и обрызгала стол маслом. Дантес, вышедши из дома генерала, шутя сказал: «Гринвальд nous fait manger de la vache enragée assai sonnée d'huile de lampe» (Игра слов, основанная на созвучии выражений *manger la vache* (есть говядину) и *manger la vache enragée* (терять надежду). Буквально: «Он нас заставил есть бешеную говядину, приправленную лампадным маслом» (фр.)). Генерал Гринвальд, узнав об этом, перестал приглашать дежурных к себе обедать».

В воспоминаниях полкового товарища Дантеса Н. Н. Пантелеева Дантес остался с эпитетом «заносчивого француза»¹⁷.

Другой полковой товарищ, князь А. В. Трубецкой, отзывался о Дантесе следующим образом: «Он был статен, красив; как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и, как француз, – остроумен, жив. Отличный товарищ».

В полку Дантес пользовался полными симпатиями своих товарищей, и они доказали ему свою любовь, приняв решительно сторону Дантеса против Пушкина после злосчастного поединка.

¹⁶ С. А. Панчулидзева, назв. соч., с. 77.

¹⁷ Отзывы Гринвальда, Пантелеева и Злотницкого приведены у С. А. Панчулидзевой, назв. соч., с. 77.

За свое остроумие Дантес пользовался благоволением великого князя Михаила Павловича, который считался изрядным остряком своего времени и круга и любил выслушивать остроты и каламбуры. Даже трагический исход дуэли Пушкина не положил предела их общения на почве каламбуров. После высылки из России Дантес встретился с Михаилом Павловичем в Баден-Бадене и увеселил его здесь своими шутками и дурачествами¹⁸.

По словам К. К. Данзаса, бывшего секундантом Пушкина, Дантес, «при довольно большом росте и приятной наружности, был человек не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда... Дантес пользовался хорошей репутацией и заслуживал ее, если не ставить ему в упрек фатовство и слабость хвастать своими успехами у женщин»¹⁹.

Вот отзыв о Дантесе Н. М. Смирнова, мужа известной Александры Осиповны, – человека, отнюдь не благорасположенного к нему: «Красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, он был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание *Racha a trois queues* (Трехбунчужный паша; *фр.*), когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами»²⁰.

Этих данных вполне достаточно для объяснения светского успеха Дантеса, но он был еще и прельстителем. «Он был очень красив, – говорит князь А. В. Трубецкой, – и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, и, как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже было принято в нашем обществе». По отзыву современника-наблюдателя, «Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой»²¹.

В свете Дантес встретился с Пушкиным и его женой. Наталья Николаевна Пушкина, затмевая всех своей красотой, блистала в петербургском свете и произвела на Дантеса сильнейшее впечатление. Роковое увлечение Дантеса завершилось роковым концом – поединком и смертью Пушкина.

¹⁸ Об отношении великого князя Михаила Павловича к Дантесу см. рассказ П. И. Бартенева, «Русск. арх.», 1888, II, с. 300. Уезжая поневоле из России, Дантес заявлял, что «по приезде в Баден он тотчас явится к великому князю Михаилу Павловичу» (В. В. Никольский. Идеалы Пушкина. Изд. 3-е... СПб., 1899, с. 132).

¹⁹ А. Аммосов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. СПб., 1863. с. 5, 8.

²⁰ «Русск. арх.», 1882, I, с. 233.

²¹ Там же, 1878, I, с. 455.

3

На личности Натальи Николаевны мы должны остановиться. В нашу задачу не входит подробное изображение семейной жизни Пушкина; здесь важно отметить лишь некоторые моменты и подробности семейной истории Пушкина, не в достаточной, быть может, мере привлекавшие внимание исследователей²². Для нас же они важны с точки зрения освещения семейного положения Пушкина в конце 1836 года. Обстоятельствами семейными объясняется многое в душевном состоянии Пушкина в последние месяцы его жизни.

Поразительная красота шестнадцатилетней барышни Натальи Гончаровой приковала взоры Пушкина при первом же ее появлении в 1828 году в большом свете Первопрестольной. «Когда я увидел ее в первый раз, – писал Пушкин в апреле 1830 года матери Натальи Николаевны, – ее красота была едва замечена в свете: я полюбил ее, У меня голова пошла кругом»²³. Но красота Натальи Гончаровой очень скоро была высоко оценена современниками. О ней и об д. В. Алябьевой шумела молва, как о первых московских красавицах. Пушкин, желая похвалить эстетические вкусы князя Н. Б. Юсупова, в известном послании «К вельможе» (дата – 23 апреля 1829 года) писал:

Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

Князь П. А. Вяземский сравнивал красоту Алябьевой *avec une beauté classique*, а красоту Гончаровой *avec une beauté romantique* и находил, что Пушкину, первому романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице.

История женитьбы Пушкина известна. Бракосочетанию предшествовал долгий и тягостный период сватовства, ряд тяжелых историй, неприятных столкновений с семьей невесты. Налаженное дело несколько раз висело на волоске и было накануне решительного расстройств. Приятель Пушкина С. Д. Киселев в письме Пушкина к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 года сделал любопытную приписку, – конечно, не без ведома автора письма: «Пушкин женится на Гончаровой, – между нами сказать, – на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат»²⁴. И когда до свадьбы оставалось всего два дня, «в городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходуется». А. Я. Булгаков, сообщивший это известие своему брату в Петербург, добавлял: «Я думаю, что и для нее (т. е. Гончаровой), и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась»²⁵. Сам Пушкин был далеко не в радужном настроении перед бракосочетанием. «Мне за 30 лет, – писал он Н. И. Кривцову за неделю до свадьбы. – В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаяваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в

²² В последнее время история семейной жизни Пушкина изложена П. О. Морозовым – Сочинения Пушкина. Редакция С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза – Ефрона, т. IV, с. 201–225. См. еще статью П. В. Засодимского «Чем была для Пушкина женитьба» («Наблюдатель», 1888, декабрь, с. 338–382) и возражение А. Новицкого на эту статью, под тем же заголовком, в «Русск. арх.», 1889, III, 124–130; статью Е. Поселянина «Несчастье Пушкина» («Московские ведомости», 28 мая 1899 года); исследование Н. Ф. Сумцова – Комментарии к стихотворению «Красавица» (в книге «А. С. Пушкин. Исследования проф. Н. Ф. Сумцова». Харьков, 1900, с. 243–252). Сравн. также очерк И. Филиппова «Стихи Н. Н. Пушкиной» (в книге «Неумирающие темы». Одесса, 1913, с. 20–28). Не цитируем и не упоминаем, за незначительностью, многих и многих заметок и статей о семейной жизни Пушкина.

²³ Переписка, II, № 425, с. 130.

²⁴ Переписка, II, 429, с. 139.

²⁵ Переписка, II, № 500, с. 204.

строгой нагоде своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью»²⁶.

Свадьба состоялась 18 февраля. Тот же Булгаков писал брату: «Итак, совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж? То-то всех удивит, — никто не ожидает, а все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: быть ей миледи Байрон. Он пересказал Пушкину, который смеялся только»²⁷. Злым вещуном был не один Булгаков. Можно было бы привести ряд свидетельств современников, не ждавших добра от этого брака. Большинство сожалело «ее». С точки зрения этого большинства Пушкин в письме к матери невесты гадал о будущем Натальи Николаевны: «(Если она выйдет за него), сохранит ли она сердечное спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее, — и, может быть, эти речи будут искренни, а во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? не почувствует ли она отвращения ко мне?»²⁸.

Злые вещуны судили по прошлой жизни Пушкина. Но нашлись люди, которые пожалели не «ее», но «его», Пушкина. Весьма своеобразный отзыв о свадебном деле Пушкина дал в своем дневнике А. Н. Вульф, близкий свидетель интимных успехов поэта: «Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему, бедному, носить рогов, — это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. Желаю, чтобы я во всем ошибся»²⁹. Е. М. Хитрово, любившая поэта самоотверженной любовью, боялась за Пушкина по другим, благородным основаниям: «Я опасаюсь для вас прозаической стороны супружества. Я всегда думала, что гений может устоять только среди совершенной независимости и развиваться только среди повторяющихся бедствий»³⁰.

Первое время после свадьбы Пушкин был счастлив. Спустя неделю он писал Плетневу: «Я женат — и счастлив. Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился»³¹. Светские наблюдатели отметили эту перемену в Пушкине. А. Я. Булгаков сообщал своему брату: «Пушкин, кажется, ужасно ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою... Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы все так продолжалось!»³² А Е. Е. Кашкина уведомляла П. А. Осипову, что «со времени женитьбы поэт — совсем другой человек: положителен, уравновешен, обожает свою жену, а она достойна такой метаморфозы, потому что, говорят, она столь же умна (*spirituelle*), сколь и прекрасна, с осанкой богини, с прелестным лицом. Когда я встречаю его рядом с прелестной супругой, он мне невольно напоминает одно очень умное и острое животное, — какое вы догадаетесь, я вам его не назову»³³. Отмеченный в последних словах, а также в ранее приведенном сравнении Пушкиных с Вул-

²⁶ «Русск. арх.», 1902, I, 52.

²⁷ Переписка, II, № 522, с. 223. «Русск. арх.», 1902, I, с. 54.

²⁸ Переписка, II, № 425, с. 131.

²⁹ «Пушкин и его современники», вып. XXI–XXII, с. 124.

³⁰ Переписка, II, № 451, с. 152; князь П. П. Вяземский. Собрание соч. СПб» № 526.

³¹ Переписка, II, № 526, с. 228.

³² «Русск. арх.», 1902, I, 56.

³³ «Пушкин и его современники», вып. I, с. 65. «Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом» — записал П. И. Бартенев со слов князя Вяземского («Русск. арх.», 1888, II, стр. 311).

каном и Венерой физический контраст наружности Пушкина и его жены бросался в глаза современникам. Проигрывал при сравнении Пушкин.

Любопытное свидетельство о Н. Н. Пушкиной и о семейной жизни Пушкина в медовый месяц оставил его приятель, поэт В. И. Туманский: «Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою. Не воображайте, однако ж, чтобы это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка, с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она и неловка еще, и неразвязна. А все-таки московщина отражается в ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это видно по безобразному ее наряду. Что у нее нет ни опрятности, ни порядка – о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды»³⁴.

Очень скоро после свадьбы опять начались нелады с семьей жены, заставившие Пушкина озаботиться скорейшим отъездом в Петербург. Пушкин в письме к теще так резюмировал свое положение: «Я был вынужден оставить Москву во избежание разных дразг, которые, в конце концов, могли бы нарушить более, чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика, ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознаться, что это значит проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж – презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет. Я представил доказательства терпения и деликатности; но, по-видимому, я только напрасно трудился»³⁵.

Пушкин мечтал «не доехать до Петербурга и остановиться в Царском Селе». «Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы; в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей», – писал Пушкин Плетневу³⁶. Плетнев помог осуществлению мечты поэта и устроил его в Царском. В середине мая Пушкины благополучно прибыли в Петербург и остановились здесь на несколько дней – до устройства квартиры. Е. М. Хитрово сообщала князю Вяземскому о впечатлениях своей встречи с Пушкиными: «Я была очень счастлива свидеться с нашим общим другом. Я нахожу, что он много выиграл в умственном отношении и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной»³⁷. Дочь Е. М. Хитрово, графиня Фикельмон, очень тонкая и умная светская женщина, писала тому же Вяземскому: «Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный оттенок, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание; но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья... Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем. У Пушкина видны все порывы страстей; у жены – вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз». Предчувствие несчастья не оставляло эту светскую наблюдательницу и впоследствии, в декабре 1834 года она писала князю П. А. Вяземскому: «Жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность».

В двадцатых числах мая 1831 года Пушкины обосновались в Царском и стали жить «тихо и весело». Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, жившая в это время в Петербурге, в письмах к мужу оставила немало подробностей о семейной жизни своего брата. Вот ее первые впечатления: «Они очарованы друг другом. Моя невестка прелестна, красива, изящна,

³⁴ Стихотворения и письма В. И. Туманского, под ред. С. Н. Браиловского. СПб 1912, с. 310–311.

³⁵ Переписка, II, № 556, с. 259.

³⁶ Переписка, II, № 530, с. 231.

³⁷ Князь П. П. Вяземский. Собрание сочинений. СПб., с. 531.

умна и вместе с тем мила» («*Ma belle-sœur est tout a fait charmante, jolie et belle et spirituelle avec cela bonne enfant tout a fait*»). А через несколько дней О. С. Павлищева добавляла: «Моя невестка прелестна, она заслуживала бы более любезного мужа, чем Александр». Спустя 2 ½ месяца она писала: «С физической стороны они – совершенный контраст: Вулкан и Венера, Кирик и Улита и т. д. В конце концов, на мой взгляд, здесь есть женщины столь же красивые, как она: графиня Пушкина не много хуже, m-me Фикельмон не хуже, а m-me Зубова, урожденная Эйлер, говорят, лучше»³⁸. Отличное впечатление произвели молодые и на В. А. Жуковского. «Женка Пушкина очень милое творение. *C'est le mot*. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше», – писал Жуковский князю Вяземскому и А. И. Тургеневу³⁹.

Периоду тихой и веселой жизни в Царском летом и осенью 1831 года мы придаем огромное значение для всей последующей жизни Пушкина. В это время завязались те узлы, развязать которые напрасно старался Пушкин в последние годы своей жизни. Отсюда потянулись нити его зависимости, внешней и внутренней; нити, сначала тонкие, становились с годами все крепче и опутали его вконец.

Уже в это время семейная его жизнь пошла по тому руслу, с которого Пушкин впоследствии тщетно пытался свернуть ее на новый путь. Уже в это время (жизнь в Царском и первый год жизни в Петербурге) Наталья Николаевна установила свой образ жизни и нашла свое содержание жизни.

Появление девятнадцатилетней жены Пушкина при дворе и в петербургском большом свете сопровождалось блистательным успехом. Этот успех был неизменным спутником Н. Н. Пушкиной. Создан он был очарованием ее внешности; закреплён и упрочен стараниями светских друзей Пушкина и тетки Натальи Николаевны – пользовавшейся большим влиянием при дворе престарелой фрейлины Екатерины Ивановны Загряжской. Е. И. Загряжская играла большую роль в семье Пушкиных. Она была моральным авторитетом для племянницы, ее руководительницей и советчицей в свете, наконец, материальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей материально.

В письмах сестры Пушкина, О. С. Павлищевой, к мужу мы находим красноречивые свидетельства об успехах Н. Н. Пушкиной в свете и при дворе. В середине августа 1831 года Ольга Сергеевна писала мужу: «Моя невестка прелестна: она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе; а она жалеет об этом, так как она не глупа; нет, это не то, что я хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще немного застенчива, но это пройдет, и она – красивая, молодая и любезная женщина – поладит и со Двором, и с императрицей». Немного позже Ольга Сергеевна сообщала, что Н. Н. Пушкина была представлена императрице и императрица от нее в восхищении! В письмах Ольги Сергеевны есть сообщения и о светских успехах Натальи Николаевны. Ольге Сергеевне не нравился образ жизни Пушкиных; они слишком много принимали, в особенности после переезда, в октябре месяце, в Петербург. В Петербурге Пушкина сразу стала «самою модною женщиной. Она появилась на самых верхах петербургского света. Ее прославили самой красивой женщиной и прозвали «Психеей» (*Quant a ma belle-sœur, c'est la femme la plus a la mode ici. Elle est dans le tres grand monde et on dit en genJral qu'elle est la plus belle; on l'a surnommee «Psychée»*)⁴⁰. Барон М. Н. Сердобин писал в ноябре 1831 года барону Б. А. Вревскому: «Жена Пушкина появилась в большом свете и была здесь отменно хорошо принята, она нравится всем и своим обращением, и своей наружностью, в которой находят что-то

³⁸ «Пушкин и его современники», XV, с. 67, 76, 84. 44

³⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, с. 256.

⁴⁰ «Пушкин и его современники», вып. XV, с. 84, 89, 101, 106.

трогательное»⁴¹. Вот еще одно свидетельство об успехах Н. Н. Пушкиной в осенний сезон 1832 года: «Жена Пушкина сияет на балах и затмевает других», – писал 4 сентября 1832 года князь П. А. Вяземский А. И. Тургеневу⁴². Можно было бы привести длинный ряд современных свидетельств о светских успехах Н. Н. Пушкиной. Все они однообразны: сияет, блистает, *la plus belle*, поразительная красавица и т. д. Но среди десятков отзывов нет ни одного, который указывал бы на какие-либо иные достоинства Н. Н. Пушкиной, кроме красоты. Кое-где прибавляют: «мила, умна», но в таких прибавках чувствуется только дань вежливости той же красоте. Да, Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств.

Женитьба поставила перед Пушкиным жизненные задачи, которые до тех пор не стояли на первом плане жизненного строительства. На первое место выдвигались заботы материального характера. Один, он мог мириться с материальными неурядицами, но молодую жену и будущую семью он должен был обеспечить. Еще до свадьбы Пушкин обещал матери своей невесты: «Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием»⁴³. Женившись, Пушкин должен был думать о создании общественного положения, Ему, вольному поэту, такое положение не было нужно: оно было нужно его жене. Светские успехи жены обязывали Пушкина в сильнейшей степени, принуждали его тянуться изо всех сил и прилагать усилия к тому, чтобы его жена, принятая *dans le tres grand monde*, была на высоте положения и чтобы то место, которое она заняла по праву красоты, было обеспечено еще и признанием за ней права на это место по светскому званию или положению ее мужа. Звание поэта не имело цены в свете – и Пушкин должен был думать о службе, о придворном звании.

Если бы в обсуждении планов будущей жизни, в принятии решений Пушкин был предоставлен самому себе, быть может, он имел бы силы не ступить на тот путь, который наметился в первые же месяцы его брачной жизни, но он имел несчастье попасть в Царское Село. На его беду, в холерное лето 1831 года в Царское прибыл двор, пребывание которого там первоначально не предполагалось. Вместе с двором переехал в Царское и В. А. Жуковский. Первые месяцы своей женатой жизни по отъезде из Москвы Пушкин провел в теснейшем общении с Жуковским и подвергся длительному влиянию его личности, его политического и этического мирозерцания⁴⁴. Жуковский жил по соседству с Пушкиным и часто с ним видался; немало вечеров провели они вместе у известной фрейлины А. О. Россет, помолвленной в 1831 году с Н. М. Смирновым. Вместе с Жуковским Пушкин дышал воздухом придворной атмосферы. В том освещении, которое создавал прекраснодушный Жуковский, воспринимал Пушкин и личность императора.

В определении и разрешении жизненных задач, возникавших перед Пушкиным, Жуковский принял ближайшее участие. Он и раньше был благодетелем и устроителем внешней жизни Пушкина; таким он явился и летом 1831 года. Под его влиянием, по его советам Пушкин стал искать разрешения житейских задач и затруднений около двора и от государя. Пушкин должен был получить службу, добыть материальную поддержку. Жуковский всячески облегчал Пушкину сношения с государем; конечно, при его содействии было устроено

⁴¹ Там же, вып. XXI–XXII, с. 371.

⁴² «Тургеневский архив. Письма А. И. Тургенева к князю П. А. Вяземскому». Ред. Н. К. Кульмана, с. 104.

⁴³ Переписка. II, № 425, с. 131.

⁴⁴ До 1831 года Пушкину не приходилось общаться с Жуковским. До высылки из Петербурга в 1820 году Пушкин не мог быть интимно близок с Жуковским, его учителем в поэзии. В годы изгнания Жуковский был его благодетелем и старшим советчиком. По возвращении из Михайловского в скитальческие годы своей жизни Пушкин видался с Жуковским только урывками.

и личное общение поэта с государем в допустимой этикетом мере. Жуковский был инициатором царских милостей и царского расположения. Он докладывал государю о Пушкине и говорил Пушкину о государе. «Царь со мною очень милостив и любезен, – писал поэт П. А. Плетневу. – Царь взял меня в службу, но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «*Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche il faut faire aller sa marmite*». Ей богу, он очень со мною мил». Эти милости, это благоволение, подкрепленные личным общением с государем, обязали Пушкина навсегда чувством благодарности, и росту, укреплению этого чувства как нельзя больше содействовал Жуковский. Впоследствии боязнь оказаться неблагодарным не раз сковывала стремление Пушкина разорвать тягостные обязательства. «Я не хочу, чтобы могли меня подозревать в неблагодарности: это хуже либерализма», – писал однажды Пушкин⁴⁵.

Но Жуковский мощно влиял и на политическое мирозерцание Пушкина. Если на один момент воспользоваться привычными теперь терминами, то придется сказать, что в 1831 году убеждения Пушкина достигли зенита своей правизны: после 1831 года они подвергались колебаниям, но всегда влево. Политические обстоятельства этого года дали большую пищу для политических размышлений; мысли Жуковского и Пушкина совпали удивительнейшим образом. Недаром их политические стихотворения появились в одной брошюре, и Жуковский сообщал А. И. Тургеневу: «Нас разом прорвало, и есть от чего»⁴⁶. Есть указание на то, что «Клеветникам России» написано по предложению Николая Павловича, что первыми слушателями этого стихотворения были члены царской семьи. «Граф В. А. Васильев сказывал (Бартеневу), что, служа в 1831 году в лейб-гусарах, однажды летом он возвращался часу в четвертом утра в Царское Село, и, когда проезжал мимо дома Китаевой, Пушкин зазвал его в раскрытое окно к себе. Граф Васильев нашел поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык, живучи на юге). Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию государя»⁴⁷. Поэт отражал, несомненно, мысли и настроения тесного придворного круга. Князь Вяземский, ближайший приятель Пушкина, весьма осведомленный об эволюции его политических взглядов, был горестно поражен политическими стихотворениями Пушкина 1831 года: взгляды Пушкина были неожиданностью для Вяземского, хотя со времени разлуки, с отъезда Пушкиных из Москвы, прошло всего каких-нибудь три месяца. Читатели же и почитатели Пушкина, которым была неизвестна внутренняя жизнь Пушкина, судили несправедливо и грубо, делая выводы из фактов внешней жизни, узнавая о назначении его в службу, о близости ко двору. Близость, конечно, мнимая: Пушкин был близок к Жуковскому и, только по Жуковскому, – ко двору. Таков резкий отзыв Н. А. Мельгунова в письме к С. П. Шевыреву от 21 декабря 1831 года. А этот отзыв не единичный: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту. Ибо одно с другим неразлучно. Я не говорю о Пушкине, творце «Годунова» и пр.; то был другой Пушкин, то был поэт, подававший великие надежды и старавшийся оправдать их. Теперешний же Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, который вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и, признаюсь, мне весьма жаль этого. О, честолубие и златолубие!»⁴⁸

⁴⁵ Переписка, III, № 854, с. 153.

⁴⁶ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 259.

⁴⁷ «Русск. арх.», 1912, II, с. 516. «Из записной книжки».

⁴⁸ А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы, т. II. М., 1903, с. 169.

Нельзя отрицать того, что общие черты были и раньше в политических взглядах Жуковского и Пушкина, но полного тождества не было: оно было создано лишь подчинением Пушкина политической мысли Жуковского. Но это подчинение приводило Пушкина не только к зависимости теоретического характера, но и к зависимости чисто практической, ибо центральный объект теоретической мысли воплощался на практике в лице императора Николая Павловича. Пушкин, конечно, не мог успокоиться на безропотном подчинении; он пробовал протестовать – но являлся на сцену, как это было летом 1834 года, Жуковский и погашал протест призывом к чувству благодарности. Пушкин уходил в себя, замыкался и должен был тщательно заботиться в процессе творчества о сокрытии следов своей критической мысли. В «Медном всаднике» он так тщательно укрыв свою политическую мысль, что только путем внимательнейшего анализа ее начинают обнаруживать новейшие исследователи.

Итак, уже в первый год семейной жизни, в 1831 году, жизнь Пушкина приняла то направление, по которому она шла до самой его смерти. С годами становилось все тяжелее и тяжелее. Разноцветные нити зависимости переплелись в клубок. Уж трудно было разобрать, что от чего, с чего надо начать перемену жизни: бросить ли службу, скрыться от государственных милостей, вырвать жену и себя из светской суеты, раздостать деньги, разделаться с долгами? По временам Пушкин мог с добродушной иронией писать жене: «Какие вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: *«Hier madame une telle etait decidement la plus belle et la mieux mise du bal»*⁴⁹». Но иногда Пушкин не был добродушным. Горьким воплем звучат фразы письма к жене: «Дай бог... плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость, особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя»⁵⁰. Эти слова писаны в мае 1834 года. В этот год Пушкин ясным оком взглянул на свою жизнь и решился на резкую перемену всего строя жизни, судорожно рванулся, но тут же был остановлен в своем движении Жуковским, который просто накричал на него. Кризис не наступил, а с 1834 года петли, образовавшиеся из нитей зависимости, медленно, но непрерывно затягивались.

Наталья Николаевна не была помощницей мужа в его замыслах о перемене жизни. В том же мае 1834 года Пушкин осторожно подготавливал жену к мысли об отъезде из Петербурга: «С твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль»⁵¹.

Доводы Пушкина не были убедительны для Натальи Николаевны. Не покидавшая Пушкина мысль об отъезде в деревню не воспринималась его женой. Годом позже, в 1835 году, Наталья Николаевна отвергла предложение поездки в Болдино. Сестра Пушкина в характерных выражениях сообщила об этом отказе своему мужу: «Они (т. е. Пушкины) не едут больше в Нижний, как предполагал Monsieur, потому что Madame об этом и слышать не желает»⁵².

⁴⁹ Переписка, III, № 829, с. 127.

⁵⁰ Переписка, III, № 820, с. 118.

⁵¹ Там же, III, № 824, с. 120.

⁵² «Пушкин и его современники», вып. XVII–XVIII, 162.

В процессе закрепления ните-петель, стягивавших Пушкина, Наталья Николаевна, быть может, бессознательно, не отдавая себе отчета и подчиняясь лишь своему инстинкту, играла важную роль. «Она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина», – говорит хорошо знавшая Пушкиных современница. Никогда не изменявшая, по ее мнению, чести, Наталья Николаевна была виновна в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж⁵³.

Но кто же, наконец, она, эта поразительная красавица? Какую душу облекла прелестная внешность? Мы уже упоминали, что почти все современные свидетельства о Наталье Николаевне Пушкиной говорят только об ее изумительной красоте и ни о чем больше: они молчат об ее сердце, ее душе, ее уме, ее вкусе. Перечтите письма князя Вяземского к А. И. Тургеневу, наполняющие огромные томы «Остафьевского архива»: вы найдете в них множество сообщений о красавицах, которыми всегда интересовался Вяземский; почти всякое сообщение дает одну, другую подробность к характеристике духовной личности, почти о каждой красавице – Авроре Мусиной-Пушкиной, А. В. Киреевой, о Долли Фикельмон и т. д. – из этих писем вы узнаете что-нибудь. Но сообщения о Пушкиной, крайне немногочисленные, говорят только об ее бальных успехах. Во всех свидетельствах о ней – не только князя Вяземского, но и всех других – не приведено ни одной ее фразы, не упомянуто ни об одном ее действии, поступке. Точно она – лицо без речей в драме, и вся ее роль сводится только к блистанию и затмеванию всех своей красотой. В этом молчании современников нет ничего загадочного: молчат, потому что нечего было сказать, нечего было отметить.

Нельзя не пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Натальи Николаевны, каких бы то ни было, а в особенности к Пушкину. В настоящее время изображение личности Натальи Николаевны мы можем только проектировать по письмам к ней Пушкина. И вот, строя проекцию, что мы можем, например, сказать о вкусах Натальи Николаевны? Писем Пушкина к ней довольно много, и ни в одном из них Пушкин не поделился с ней ни одним своим литературным замыслом. Если он и пишет о своем творчестве, так только с точки зрения количественной, материальной, – какую выгоду ему принесет то или иное произведение! Необходимость творчества оправдывается в письмах материальными потребностями. О своей творческой, художественной деятельности Пушкин мог говорить с своими друзьями – князем Вяземским, Жуковским, с А. О. Смирновой, с Е. М. Хитрово, – с дипломатами, но с женой ему нечего было говорить об этой важнейшей стороне его жизни; ей это было безразлично или непонятно. Только непонятливостью Натальи Николаевны или ее нечувствительностью к литературе можно объяснить решительное отсутствие каких-либо заметок литературного характера в письмах к ней Пушкина.

К литературе Наталья Николаевна относилась так же, как к театру. Укоряя как-то в письмах жену за праздную, ненужную поездку из имения в Калугу, Пушкин писал: «Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? Что за охота останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернью губернской фейворок, – когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных»⁵⁴.

Точно так же ни из писем Пушкина, ни из каких-либо других источников мы ничего не узнаем об интересах Натальи Николаевны к живописи, к музыке.

⁵³ Княгиня Е. Н. Мещерская, дочь Н. М. Карамзина. – Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 262.

⁵⁴ Переписка, III, № 861, с. 160. Впрочем, справедливость требует упомянуть, что Наталья Николаевна пробовала писать стихи, но Пушкин отнесся сурово к ее попытке: «Стихов твоих не читаю. Чорт ли в них, – и свои надоели», – писал он жене (Переписка, II, № 647, с. 356).

Всем этим интересам неоткуда было возникнуть. Об образовании Натальи Николаевны не стоит и говорить. «Воспитание сестер Гончаровых (их было три) было предоставлено их матери, и оно, по понятиям последней, было безукоризненно, так как основами такового положены были основательное изучение танцев и знание французского языка лучше своего родного. Соблюдение строжайшей нравственности и обрядов православной церкви служило дополнением высокого идеала «московской барышни»⁵⁵. Обстановка детства и девичьих лет Н. Н. Пушкиной отнюдь не содействовала пополнению образовательных пробелов. Знакомства и интересы – затхлого, провинциального разбора⁵⁶. «Как я не люблю, – писал Пушкин, – все, что пахнет московской барышней, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*»⁵⁷. Значит, московская барышня, какой и была девица Наталья Гончарова, – не *comme il faut*, *vulgar*.

В сравнении с такими представительницами высшего света, как А. О. Смирнова, Е. М. Хитрово, графиня Фикельмон или Карамзины, Наталья Николаевна была слишком проста, слишком «безобидна», по ироническому выражению Е. М. Хитрово.

Вспоминается рассказ А. О. Смирновой о жизни Пушкина в Царском. По утрам он работал один в своем кабинете наверху, а по вечерам отправлялся читать написанное к А. О. Смирновой; здесь он толковал о литературе, развивал свои литературные планы. А жена его сидела внизу за книжкой или за рукодельем; работала что-то для П. В. Нащокина. С ней он о своем творчестве не говорил. Дочь Н. Н. Пушкиной, А. П. Арапова, в воспоминаниях о своей матери, объясняя отсутствие литературных интересов у своей матери, ссылается на то, что Пушкин сам не желал посвящать жену в свою литературную деятельность. Но почему не желал? Потому, что не было и не могло быть отзвука. «Наталья Николаевна была так чужда всей умственной жизни Пушкина, что даже не знала названий книг, которые он читал. Прося привести ему из его библиотеки Гизо, Пушкин объяснял ей: «4 синих книги на длинных моих полках».

Если из писем Пушкина к жене устранить сообщения фактического, бытового характера, затем многочисленные фразы, выражающие его нежную заботливость о здоровье и материальном положении жены и семьи, и по содержанию остающегося материала попытаться осветить духовную жизнь Н. Н. Пушкиной, то придется свести эту жизнь к весьма узким границам, к области любовного чувства на низшей стадии развития, к переживаниям, вызванным проявлениями обожания ее красоты со стороны ее бесчисленных светских почитателей. При чтении писем Пушкина, с первого до последнего, ощущаешь атмосферу пошлого ухаживания. Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена. При скудости духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм. Пушкин беспрестанно упрекает и предостерегает жену от кокетничанья, а она все время делится с ним своими успехами в деле кокетства и беспрестанно подозревает Пушкина в изменах и ревнует его. И упреки в кокетстве, и изъясления ревности – неизбежный и досадный элемент переписки Пушкиных.

Покидая свою жену, Пушкин всегда пребывал за нее в беспокойстве – не только по обыкновенным основаниям (быть может, больна; быть может, материальные дела плохи!), но и по более глубоким: не сделала ли она какого-либо ложного шага, роняющего ее и его в общем уважении? А ложные шаги она делала – и нередко; то в отсутствии Пушкина дружится с графинями, с которыми неловко было кланяться при публике, то принимает человека, который ни разу не был дома при Пушкине, то принимает приглашение на бал в дом, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение. Еще сильнее волновало и беспокоило

⁵⁵ П. П. Каратыгин. Н. Н. Пушкина в 1831–1837 гг. – «Русск. стар.», т. XXXVII, 1883, янв., с. 56. В довольно распространенных воспоминаниях дочери Пушкиной не сказано ни одного слова об образовании Н. Н. Пушкиной: см. «Н. Н. Пушкина-Ланская» в приложениях к газете «Новое время». 1907–1908 годы.

⁵⁶ См. нашу статью «Пушкин и московские студенты в 1831 году». – «Ист. вестн.», т. XCVI, 1904, апр., с. 219 и сл.

⁵⁷ Переписка, III, № 752, с. 55.

Пушкина опасение, как бы его жена не зашла далеко в своем кокетстве. «Ты кругом виновата <...> кокетничаешь со всем дипломатическим корпусом». «Смотри, женка! Того и гляди, избалуешься без меня, забудешь меня – искокетничаешься»... «Не стражай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась»... «Не кокетничай с Соболевским»... «Не стражай меня <...> не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы»... Такими фразами пестрят письма Пушкина. Один раз Пушкин подробно изложил свой взгляд на кокетство: «Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: не даром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою, как за сучкою, бегают кобели, подняв хвост трубочкой и понюхивая тебе задницу; есть чему радоваться! Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому, как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму». Смягчая выражения, в следующем письме Пушкин возвращается к теме о кокетстве: «Повторю тебе помягче, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения». В кокетстве раздражала Пушкина больше всего общественная, так сказать, сторона его. Интимная же сторона, боязнь быть «кою» не волновала так Пушкина. Эту особенность взглядов Пушкина на кокетство надо подчеркнуть и припомнить при изложении истории столкновения его с Дантесом.

У Пушкина был идеал замужней женщины, соответствие которому он желал бы видеть в Наталье Николаевне, – Татьяна замужем.

Она была не тороплива.
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...

.....
С головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar.

«Кокетничать я тебе не мешаю, – обращался Пушкин к жене, – но требую от тебя *холодности, благопристойности, важности* – не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к *тону*, а к чему-то уже важнейшему». И еще: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, *все, что не comme il faut, все, что vulgar*... Если при моем возвращении я найду, что твой *милый, простой, аристократический* тон изменился, разведусь, вот те Христос». Но, несмотря на то, что жизнь в петербургском свете сильно преобразила московскую

бчрышню Гончарову, ей было далеко до пушкинского идеала. Ложные шаги, которые ей ставил в строку Пушкин, снисходительная податливость на всяческие ухаживания делали этот идеал для нее недостижимым.

Как бы в ответ на постоянные напоминания мужа о кокетстве, Наталья Николаевна свои письма наполняла изъявлениями ревности; где бы ни был ее муж, она подозревала его в увлечениях, изменах, ухаживаниях. Она непрестанно выражала свою ревность и к прошлому, и к настоящему. Будучи невестой, она ревновала Пушкина к какой-то княгине Голицыной; когда Пушкин оставался в Петербурге, подозревала его в увлечении А. О. Смирновой; обвиняла его в увлечении неведомой Полиной Шишковой; опасалась его слабости к Софье Николаевне Карамзиной; сердилась на него за то, что он будто бы ходит в Летний сад искать привязанностей; не доверяла доброте его отношений к Евпраксии Вульф; думала в 1835 году, что между Пушкиным и А. П. Керн что-то есть... Когда читаешь из письма в письмо о многократных намеках, продиктованных ревностью Натальи Николаевны, то испытываешь нудную скуку однообразия и останавливаешься на мысли: а ведь это даже и не ревность, а просто привычный тон, привычная форма! Ревновать в письмах значило придать письму интересность. Ревность в ее письмах – манера, а не факт. Подчиняясь тону ее писем, и Пушкин усвоил особенную манеру писать о женщинах, с которыми он встречался. Он пишет о любой женщине, как будто наперед знает, что Наталья Николаевна обвинит его в увлечениях и изменах, и он заранее ослабляет силу ударов, которые будут на него направлены. Он стремится изобразить встреченную им женщину возможно непривлекательнее как с внешней, так и с внутренней стороны. Таковы отзывы его об А. А. Фукс, об А. П. Керн и др. Справедливо говорит автор, собравший указания на ревность Н. Н. Пушкиной: «(О женщинах) Пушкин писал (в письмах к жене) для себя и потомства, а для жены, и судить по ним об его истинных отношениях к людям, особенно к женщинам, не следует»⁵⁸. С другой стороны, нельзя не отметить отсутствия хороших отзывов о женщинах в письмах Пушкина к жене.

Не вдаемся в разбор вопроса, каковы фактические основания для Ревности Н. Н. Пушкиной. Княгиня В. Ф. Вяземская передавала П. И. Бартеневу, что в истории с Дантесом «Пушкин сам виноват был; он открыто ухаживал сначала за Смирновой, потом за Свистуновой (ур. тр. Соллогуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама она оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветрено»⁵⁹. Верно, во всяком случае, то, что любовь Пушкина к жене в течение долгого времени была искреннейшим и заветнейшим чувством. А. Н. Вульф жестоко ошибся, предположив в 1830 году, что первым делом Пушкина будет развратить жену. Вульф, действительно, хорошо знал Пушкина в его отношениях к женщинам и ярко изобразил в своем дневнике полный своеобразной эротики любовный быт своих современников (или, по крайней мере, группы, кружка); примеров же и образцом он считал Пушкина⁶⁰. Но Вульф не знал всего о любовном чувстве: ему была введома феноменология пушкинской любви, но ее «вещь в себе» была для него за семью печатями. Ему была близка любовь земная и чужда любовь небесная. Вульф и в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, изведал высший восторг небесной любви. Но Пушкин с стыдливой застенчивостью скрывал свои чувства от всех и – от Вульфа. Этот «развратитель» упрощает жену: «Не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения»⁶¹. Не станем приводить доказательств любви Пушкина к жене: их сколько угодно и в письмах,

⁵⁸ «Ревность Н. Н. Пушкиной», статья Н. О. Лернера. – «Русск. стар.». СХХIV. 1905, ноябрь, с. 424–425.

⁵⁹ «Русск. арх.», 1888, II, с. 309.

⁶⁰ Дневник А. Н. Вульфа в издании «Пушкин и его современники», XXI–XXII; сравн. мои статьи: «Любовный быт в пушкинскую эпоху». – «День», 11 и 20 ноября 1915 г.

⁶¹ Переписка, III, № 805, с. 101.

и в произведениях. Надо только внести поправки: с любовью к жене уживались увлечения другими женщинами, а затем в истории его чувств к жене был свой кризис.

Но, принимая к сведению свидетельства об увлечениях Пушкина, вроде рассказов княгини Вяземской, мы все-таки думаем, что чувство ревности у Н. Н. Пушкиной не возникало из душевных глубин, а выросло из настроений порядка элементарного: увлечение Пушкина его предпочтение другой женщине было тяжким оскорблением, жестокой обидой ей, первой красавице, заласканной неустанным обожанием света, двора и самого государя. Итак, ревность Н. Н. Пушкиной – или манера в письмах, или оскорбленная гордость красивой женщины.

Но попробуем углубиться в вопрос об отношениях Пушкиных, попробуем измерить глубину чувства Натальи Николаевны. Пушкин имел дар строгим и ясным взором созерцать действительность в ее наготе в страстные моменты своей жизни. С четкой ясностью он оценил отношение к себе девицы Натальи Гончаровой, от первой встречи с которой у него закружилась голова. Его горькое признание в письме к матери невесты (в апреле 1830 г.) не обратило достаточного внимания биографов Пушкина, а оно – документ первоклассного значения для истории его семейной жизни. В нем нужно взвесить и оценить каждое слово: «Только привычка и продолжительная близость может доставить мне ее (Натальи Николаевны) привязанность; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство ее сердечного спокойствия и равнодушия». Пушкин сознавал, что он не нравится семнадцатилетней московской барышне, и надеялся снискать ее привязанность (не любовь!) по праву привычки и продолжительной близости. Самое согласие ее на брак было для него символом свободы ее сердца и... равнодушия к нему.

В своей великой скромности Пушкин думал, что в нем нет ничего, что могло бы понравиться блестящей красавице, и в моменты работы совести приходил к сознанию, что Наталью Николаевну отделяет от него его прошлое. В один из таких моментов создан набросок:

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю –
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой.
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья –
Уныло слушаешь меня.
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей;
Кляню речей любовный шопот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковых дев,
И слезы их, и поздний ропот...

Не прошлое Пушкина отделяло от него Наталью Николаевну. С горьким признанием Пушкина о равнодушии к нему невесты надо тотчас же сопоставить теснейшим образом к признанию примыкающее свидетельство о чувствах к нему молодой жены:

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.
О, как милее ты, смиренница моя!

О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна, без упоенья,
Стыдливо – Холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потом все боле, боле –
И делишь наконец мой пламень поневоле.

Пытаются внести ограничения в это признание. Так, Н. О. Лернер, возражая против толкования В. Я. Брюсова⁶², рассуждает: «Брюсов видит здесь доказательство того, что Н. Н. Пушкина была чужда своему мужу. Между тем это признание говорит, самое большое, лишь о физиологическом несоответствии супругов в известном отношении и холодности сексуального темперамента молодой женщины»⁶³. Неправильность этого рассуждения обнаруживается при сопоставлении признания в стихах с признанием в прозе. Если в начале любви было равнодушие с ее стороны и надежда на привычку и близость с его стороны, то откуда же возникнуть страсти? откуда быть соответствию восторгов? Да, Наталья Николаевна исправно несла свои супружеские обязанности, рожала мужу детей, ревновала, и при всем том можно утверждать, что сердце ее не раскрылось, что страсть любви не пробудилась. В дремоте было сковано ее чувство. Любовь Пушкина не разбудила ни ее души, ни ее чувства. Можно утверждать, что круг, заключавший внутреннюю жизнь Пушкина, и круг, заключавший внутреннюю жизнь Натальи Николаевны, не пересеклись и остались эксцентрическими.

Наталья Николаевна дала согласие стать женой Пушкина – и оставалась равнодушна и спокойна сердцем; она стала женой Пушкина – и сохранила сердечное спокойствие и равнодушие к своему мужу.

⁶² В. Я. Брюсов писал по поводу этого стихотворения: «Разве не страшно думать о тех «долгих молениях», с которыми Пушкин должен был обращаться к своей жене, прося ее ласк, о том, что она отдавалась ему «нежна, без упоенья», «едва отвечивала» его восторгу и делила, наконец, его пламень лишь «поневоле» («Из жизни Пушкина». – «Новый путь», 1903, июнь, с. 102).

⁶³ Сочинения Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. VI. 426.

4

Зимний сезон 1833–1834 года был необычайно обилён балами, раутами. В этот сезон Наталья Николаевна Пушкина получила возможность бывать на дворцовых балах. «Двору хотелось», чтобы она «танцевала в Аничкове», – и Пушкин был пожалован, в самом конце 1833 года, в камер-юнкеры. Впрочем, кончился сезон для Натальи Николаевны плохо. «Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла», – писал Пушкин П. В. Нащокину в начале марта 1834 года: «Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой! Жена во дворце. Вдруг, смотрю – с нею делается дурно – я увожу ее, и она, приехав домой, выкидывает»⁶⁴. 15 апреля Наталья Николаевна уехала с детьми в калужскую деревню своей матери, отчасти для поправления расстроенного здоровья, а главным образом для свидания со своими сестрами. Обе сестры, Александра и Екатерина Гончаровы, были старше Натальи Николаевны, сидели в девах, почти теряя надежду выйти замуж, и ужасно страдали от капризов своей матери, в ужасающей обстановке семейной жизни. По выражению Пушкина, мать, Наталья Ивановна, ходуном ходила около дочерей, крепко-накрепко заключенных⁶⁵.

Н. Н. Пушкина, беспредельно любившая сестер, во время летнего пребывания в деревне раздумалась над устройством их судьбы и решила увезти их от матери в Петербург, пристроить во дворец фрейлинами и выдать замуж. Своими проектами она делилась с мужем, но он отнесся к ним без всякого увлечения. Он был решительно против того, чтобы его жена хлопотала о помещении своих сестер во дворец. «Подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы... Мой совет тебе и сестрам – быть подалее от двора: в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться»⁶⁵. По поводу планов Натальи Николаевны выдать одну сестру за Хлюстина, а другую за Убри Пушкин шуточно пишет жене: «Ничему не бывать: оба влюбятся в тебя, – ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтобы ухаживать за другими в твоём присутствии». Наконец, к решению жены взять сестер в Петербург Пушкин отнесся отрицательно: «Эй, женка, смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной* кровлей: муж, жена, дети, покамест малы; родители, когда уж престарелы, а то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет».

Доводы Пушкина не убедили Наталью Николаевну, и осенью 1834 года сестры ее – Азинька и Коко – появились в Петербурге и поселились под одной кровлей с Пушкиными. Мать Пушкина сообщила дочери Ольге Сергеевне об этом событии 7 ноября 1834 года: «Натали тяжела, ее сестры вместе с нею, нанимают пополам с ними очень хороший дом. Он (Пушкин) говорит, что в материальном отношении это его устраивает, но немного стесняет, так как он не любит, чтобы расстраивались его хозяйские привычки»⁶⁶. Сестры, несомненно, способствовали заполнению досугов Натальи Николаевны, тотчас же по приезде вошли в круг ее жизни и вместе с нею стали выезжать в свет⁶⁷.

Красота Натальи Николаевны рядом с сестрами казалась еще ослепительнее. Вот впечатления Ольги Сергеевны Павлицевой: «Александр представил меня своим женам: теперь у него целых три. Они красивы, его невестки, но они ничто в сравнении с Натали, которую

⁶⁴ Переписка, III, № 783, с. 83. 58

⁶⁵ Переписка, III, № 829, с. 127.

⁶⁶ «Пушкин и его современники», XIV, 21

⁶⁷ Там же, XIV, 25. «Натали и ее сестры выезжают ежедневно», – пишет о Декабре 1835 года О. С. Павлицева; ср. там же, XVII–XVIII, 197.

я нашла очень похорошевшей. У нее теперь прекрасный цвет лица и она чуть пополнела: единственное, чего ей не хватало»⁶⁸.

Старшая – Екатерина Николаевна, «высокая, рослая»⁶⁹, «далеко не красавица, представляла собою довольно оригинальный тип скорее южанки с черными волосами». Вскоре по приезде в Петербург, 6 декабря 1834 года, она была взята, по желанию Н. К. Загряжской, фрейлиной ко двору⁷⁰.

Средняя – Александра Николаевна⁷¹, по словам А. П. Араповой, «высоким ростом и безукоризненным сложением подходила к Наталье Николаевне, но черты лица, хотя и напоминавшие правильность гончаровского склада, являлись как бы карикатурою. Матовая бледность кожи Натальи Николаевны переходила у нее в некоторую желтизну, чуть приметная неправильность глаз, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней в несомненно косой взгляд, – одним словом, люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в явный ущерб Александре Николаевне»⁷². Это свидетельство А. П. Араповой находит полное подтверждение во впечатлениях баронессы Е. Н. Вревской, которая видела двух сестер – Наталью и Александру – в декабре 1836 года: «Пушкина в полном смысле слова восхитительна, но зато ее сестра (Александра) показалась мне такой безобразной, что я разразилась смехом, когда осталась одна в карете с моей сестрой»⁷³. Княгиня Вяземская говорила П. И. Бартеневу, что Александра Николаевна должна была заняться хозяйством и детьми, так как выезды и наряды поглощали все время ее сестер. Пушкин, по словам княгини, подружился с ней... Анна Николаевна Вульф 12 февраля 1836 года сообщала своей сестре Евпраксии, со слов сестры Пушкина, Ольги Сергеевны, что Пушкин очень сильно волочится за своей невесткой Александрой и что жена стала отъявленной кокеткой⁷⁴.

Сама Наталья Николаевна в 1834–1835 годах была в апогее своей красоты. Даем место двум восторженным отзывам современников, пораженных ее красотой. Один из них встретил Наталью Николаевну в салоне князя В. Ф. Одоевского, и эта встреча навсегда врезалась в его память. «Вдруг – никогда этого не забуду – входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видел – *incessu dea patebat!* Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея, с которой я хорошо был знаком»⁷⁵.

Другой отзыв принадлежит графу В. А. Соллогубу: «Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видел я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая; с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появлении. На вид она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге... она бывала постоянно и в большом свете, и

⁶⁸ Там же, XVII–XVIII, 168.

⁶⁹ Слова княгини В. Ф. Вяземской. – «Русск. арх.», 1888, II, 309.

⁷⁰ Архив министерства имп. двора – дело о фрейлинах.

⁷¹ Александра Николаевна родилась 27 июля 1811 года (А. В. Средин, назв. ст. в «Старых годах», с. 113). Во фрейлины она была пожалована уже после смерти Пушкина, в январе 1839 года (Арх. мин. имп. двора – дело о фрейлинах).

⁷² «Новое время», 1907, № 11413.

⁷³ «Пушкин и его современники», XXI–XXII, 321.

⁷⁴ Отношения Пушкина к Александре Гончаровой рассмотрены подробно во второй части нашей книги, VIII отдел.

⁷⁵ «Русск. арх.», 1878, I, 442.

при дворе, но ее *женщины* находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень многих молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших»⁷⁶.

И такие невинные обожатели, как юный граф В. А. Соллогуб, привлекали раздраженное внимание Пушкина: в начале 1836 года Пушкин посылал вызов и ему. Но опытные светские ловеласы были, конечно, страшнее: для них само имя Пушкина не имело значения. Ведь Пушкин был какой-то там сочинитель и не чиновный камер-юнкер! Впрочем, в этом взгляде сходилась с ними и жена Пушкина. По заключению недружелюбно настроенного наблюдателя, барона М. А. Корфа, «прелестная жена, любя славу своего мужа более для успехов своих в свете, предпочитала блеск и бальную залу всей поэзии в мире и – по странному противоречию, – пользуясь всеми плодами литературной известности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тем, что она, светская женщина *par excellence*, привязана к мужу *homme de lettres*, – эта жена с семейственными и хозяйственными хлопотами привила к Пушкину ревность»...⁷⁷

Самое близкое участие в семейной жизни Пушкиных принимала родная тетка сестер – Екатерина Ивановна Загряжская, фрейлина высочайшего двора (род. в 1799 году, умерла в 1842 году)⁷⁸. Она была самым близким лицом в доме Пушкиных и в развитии дуэльного недоразумения в ноябре 1836 года играла видную роль, а потому нелишне сказать о ней несколько слов. Тетушка заменила племянницам мать, устраивала их положение при дворе и в свете, оказывала им материальную поддержку, была для них моральным авторитетом, руководительницей и советчицей – и пользовалась огромным влиянием. Особенно она любила Наталью Николаевну, баловала ее, платила за ее наряды. Как-то взгрустнув о своем материальном положении, Пушкин писал (21 сентября 1835 г.) жене: «У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30000. Все держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны». Наталья Николаевна платила тетке такую любовью и преданностью, что мать ее, Наталья Ивановна Гончарова, ревновала свою дочь к своей сестре. Если судить по письмам Пушкина к жене, он хорошо относился к Екатерине Ивановне за ее любовь к своей жене. Он доверялся Загряжской и оставлял жену на тетку, когда уезжал из Петербурга. В письмах он не забывает переслать ей почтительный поклон, поцеловать с ермоловской нежностью ручку и поблагодарить ее за заботы о жене. Вот несколько отрывков из писем Пушкина к жене, рисующих отношения Пушкиных к Екатерине Ивановне Загряжской: «К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить» (3 октября 1832 г.). «Благовари мою бесценную Катерину Ивановну, которая не дает тебе воли в ложе. Целую ей ручки и прошу, ради бога, не оставлять тебя на произвол твоих обожателей» (21 октября 1833 г.). «А Катерина Ивановна? как это она тебя пустила на божью волю» (30 октября г.). Когда уезжала Наталья Николаевна в калужскую деревню, тетка тревожилась и постоянно справлялась о ней у Пушкина. «Она тебя очень целует и по тебе хандрит» (22 апреля 1834 г.). «Целые девять дней от тебя не было известий. Тетка перепугалась» (28 апреля г.). «Зачем ты тетке не пишешь? Какая ты безалаберная!» (И июня 1834 г.). «Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое жите-бытье, а она меня утешала» (11 июля 1834 г.). Любовь Загряжской к Наталье Николаевне была хорошо известна в свете и при дворе. Когда Пушкин представлялся импе-

⁷⁶ Воспоминания графа В. А. Соллогуба. СПб., 1887, с. 117–118.

⁷⁷ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 251

⁷⁸ Петербургский Некрополь, II, СПб., 1912, с. 176.

патрице Александре Федоровне, императрица спросила у него о здоровье уехавшей жены и добавила: „Sa tante est bien impatiente de la voir a bonne sante, la fille de son coeur, sa fille d'adoption»...⁷⁹. О близком участии Загряжской в семейных делах Пушкиных дает определенное свидетельство сестра Пушкина, Ольга Сергеевна. «Загряжская бывала всякий день в доме Пушкиных, делала из Натальи Николаевны все, что хотела, имела большое влияние на Пушкина»⁸⁰.

Так складывались обстоятельства семейной жизни Пушкина с зимы 1834–1835 года. Но еще до женитьбы своей, будучи женихом, Пушкин, отвечая Плетневу на его замечания о свете, писал 29 сентября 1830 года: «Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтоб тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как *гуляет вольная луна* etc.»⁸¹. Пушкин вспоминает те оправдания женской неверности, которые он вложил в «Цыганах» в уста старику, утешающему Алеко:

Утешься, друг; она дитя;
Твое унынье безрассудно;
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское – шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна:
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она;
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот, уж перешла в другое,
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься...

⁷⁹ Запись в дневнике Пушкина – см.: Дневник Пушкина. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М. – П., 1923, с. 12.

⁸⁰ «Пушкин и его современники», XII, 108.

⁸¹ Переписка, II, № 476, 176.

5

Дантес прибыл в Петербург в октябре 1833 года, в гвардию был принят в феврале 1834 года. По всей вероятности, тотчас же по приезде (а может быть, только по зачислении в гвардию), при содействии барона Геккерена, Дантес завязал светские знакомства и появился в высшем свете.

Если Дантес не успел познакомиться с Н. Н. Пушкиной зимой 1834 года до наступления великого поста, то в таком случае первая встреча их приходится на осень этого года, когда Наталья Николаевна блистала своей красотой в окружении старших сестер'. Почти с этого же времени надо вести историю его увлечения.

Ухаживания Дантеса были продолжительны и настойчивы. Впоследствии барон Геккерен в письме к своему министру иностранных дел от 30 января 1837 года сообщал: «Уже год, как мой сын отличает в свете одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину». Сам Пушкин упоминает о двухлетнем постоянстве, с которым Дантес ухаживал за его женой.

Встретили ли его ухаживания какой-либо отклик или остались безответными? Решения этого вопроса станем искать не у врагов Пушкина, а у него самого, у его друзей, наконец, в самих событиях.

В письме к барону Геккерену Пушкин пишет: «Я заставил вашего сына играть столь плачевную роль, что моя жена, пораженная такой плоскостью, не была в состоянии удержаться от смеха, и *чувство, которое она, быть может, испытывала к этой возвышенной страсти*, угасло в презрении»...⁸². Уже намек, содержащийся в подчеркнутых строках, приводит к заключению, что Н. Н. Пушкина не осталась глуха и безответна к чувству Дантеса, которое представлялось ей возвышенною страстью. В черновике письма к Геккерену Пушкин высказывается еще решительнее и определеннее: «Поведение вашего сына было мне хорошо известно... но я довольствовался ролью наблюдателя с тем, чтобы вмешаться, когда сочту это удобным. *Я знал, что хорошая фигура, несчастная страсть, двухлетнее постоянство всегда произведут в конце концов впечатление на молодую женщину*, и тогда муж, если он не дурак, станет вполне естественно доверенным своей жены и хозяином ее поведения. *Я признаюсь вам, что несколько беспокоился*»⁸³. Князь Вяземский, упоминая в письме к великому князю Михаилу Павловичу об объяснениях, которые были у Пушкина с женой после получения анонимных писем, говорит, что невинная, в сущности, жена «*призналась в легкомыслии и ветрености, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерена*»⁸⁴. Можно из этих слов заключить, что Наталья Николаевна «увлеклась» красивым и модным кавалергардом, — но как сильно было ее увлечение, до каких степеней страсти оно поднялось? Что оно не было только данью легкомыслия и ветрености, можно судить по ее отношению к Дантесу после тяжелого инцидента с дуэлью в ноябре месяце, после сватовства и женитьбы Дантеса на сестре Натальи Николаевны. Наталья Николаевна знала гневный и страстный характер своего мужа, видела его страдания и его бешенство в ноябре 1836 года; казалось бы, всякое легкомыслие и всякая ветреность при таких обстоятельствах должны были исчезнуть навсегда. И что же? Вяземский, озабоченный охранением репутации Натальи Николаевны, все-таки не нашел в себе силы обойти молчанием ее поведение после свадьбы Дантеса: «Она должна бы удалиться от света и потребовать того же от мужа. У нее не хватило характера, — и вот она опять очути-

⁸² Французский текст цитат дан в первом издании книги, обозначаемом в примечаниях кратко «Дуэль». Во второй части этого издания все тексты приведены в переводах, и указаний страниц этой части не делается. «Дуэль», 188.

⁸³ «Переписка», III, N» 1105, с. 415.

⁸⁴ «Дуэль», 141.

лась почти в таких же отношениях с молодым Геккереном, как и до его свадьбы; тут не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности»⁸⁵. Ясно, кажется, что сила притяжения, исходившего от Дантеса, была слишком велика, и ее не ослабили ни страх перед мужем, ни боязнь сплетен, ни даже то, что чувственные симпатии Дантеса, до сих пор отдававшиеся ей всецело, оказались поделенными между ней и ее сестрой. Дантес взволновал Наталью Николаевну так, как ее еще никто не волновал. «Il l'a troublé», – сказал Пушкин о Дантесе и своей жене. Любовный пламень, охвативший Дантеса, опалил и ее, и она, стыдливо – Холодная красавица, пребывавшая выше мира и страстей, покоившаяся в сознании своей торжествующей красоты, потеряла свое душевное равновесие и потянулась к ответу на чувство Дантеса. В конце концов, быть может, Дантес был как раз тем человеком, который был ей нужен. Ровесник по годам, он был ей пара по внешности своей, по внутреннему своему складу, по умственному уровню. Что греха таить: конечно, Дантес должен был быть для нее интереснее, чем Пушкин. Какой простодушной искренностью дышат ее слова княгине В. Ф. Вяземской в ответ на ее предупреждения и на ее запрос, чем может кончиться вся эта история с Дантесом! «Мне с ним (Дантесом) весело. Он мне просто нравится, будет то же, что было два года сряду». Княгиня В. Ф. Вяземская объяснила, что Пушкина чувствовала к Дантесу род признательности за то, что он постоянно занимал ее и старался быть ей приятным⁸⁶.

Итак, сердца Дантеса и Натальи Николаевны Пушкиной с неудержимой силой влеклись друг к другу. Кто же был прельстителем и кто завлеченным? Друзья Пушкина единогласно выдают Наталью Николаевну за жертву Дантеса. Этому должно было бы поверить уже и потому, что она не была натурой активной. Но были, вероятно, моменты, когда в этом поединке флирта доминировала она, возбуждая и завлекая Дантеса все дальше и дальше по опасному пути. Можно поверить, по крайней мере, барону Геккерену, когда он позднее, после смерти Пушкина, предлагал допросить Н. Н. Пушкину и, не имея возможности предвидеть, что подобные расспросы не будут допущены, заявлял: «Она (Пушкина) сама может засвидетельствовать, сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она летела; она скажет, что в своих разговорах с нею я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся».

Какую роль играл в сближении Дантеса и Пушкина голландский посланник барон Геккерен, ставший с лета 1836 года приемным отцом француза? Был ли он сводником, старался ли он облегчить своему приемному сыну сношения с Пушкиной и привести эпизод светского флирта к вожделенному концу? Пушкин, друзья его и император Николай Павлович отвечали на этот вопрос категорическим да. У всех них единственным источником сведений о роли Геккерена было свидетельство Натальи Николаевны. «Она раскрыла мужу, – писал князь Вяземский великому князю Михаилу Павловичу, – все поведение молодого и старого Геккеренов по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть»⁸⁷. «Хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, – сообщал император Николай I своему брату, – столь же мало оправдывали поведение Дантеса, а в особенности гнусного его отца... Порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно; он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствии Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто умирал к ней любовью... Жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих»...⁸⁷ Пушкин самому Геккерену так характеризовал его роль: «Вы, представитель коронованной особы, – вы были отеческим свод-

⁸⁵ «Дуэль», 145.

⁸⁶ «Русский арх.» 1888, II, 311.

⁸⁷ «Дуэль», 141.

ником вашего побочного сына... Все его поведение, вероятно, было направлено вами: вы, вероятно, нашептывали ему те жалкие любезности, в которых он рассыпался, и те пошлости, которые он писал. Подобно развратной старухе, вы отыскивали по всем углам мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и, когда он, больной в сифилисе, оставался дома, принимая лекарства, вы уверяли, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: «отдайте мне моего сына»...⁸⁸

На личности барона Геккерена мы уже останавливались, но согласимся сейчас с самыми худшими о нем отзывами, согласимся в том, что барон Геккерен был человек низких нравственных качеств; согласимся, что он не остановился бы ни перед какой гадостью, раз она была средством к известной цели. Но все, что мы о нем знаем, не дает нам права на заключение, что он совершал гадости ради них самих. Спрашивается, какой для него был смысл в сводничестве своему приемному сыну? Еще до усыновления он мог бы секретно оказывать Дантесу свое содействие, свое посредничество, но, связав с ним свое имя, он не стал бы рисковать своим именем и положением. Светский скандал был неизбежен, все равно – завершился бы флирт Дантеса тайной связью и он увез бы Наталью Николаевну за границу, или же Дантес и его приемный отец добились бы развода и второго брака для Н. Н. Пушкиной. Второе предположение, конечно, чистая утопия; разводы были в то время очень затруднены, и Николай Павлович не был их покровителем. Но в том или другом случае барон Геккерен, полномочный нидерландский министр, представитель интересов своего государства, подвергал не только словесному сраму, но и серьезному риску всю свою карьеру. Надо признать, что в жизненные расчеты барона Геккерена отнюдь не могло входить поощрение любовных ухаживаний Дантеса. А если мы приложим к барону Геккерену ту мерку, с которой подходили к нему многие из обвинявших его в сводничестве, и если на минуту согласимся с ними в том, что любовь Геккерена к Дантесу заходила далеко за пределы отцовской и была любовью мужчины к мужчине, то тогда обвинение в сводничестве станет невероятным. И если Геккерен был действительно человек извращенных нравов, то, ревнуя Н. Н. Пушкину к Дантесу, не сводить его с ней он был должен, а разлучать во что бы то ни стало.

До нас дошли оправдания Геккерена как раз против обвинений в сводничестве. Защищаясь он них, он ссылается на признания Пушкиной и на свидетельства лиц посторонних. «Я будто бы подстрекал моего сына к ухаживаниям за г-жею Пушкиной. Обращаюсь к ней самой по этому поводу. Пусть она покажет под присягой, что ей известно, и обвинение падет само собой... Если г-жа Пушкина откажет мне в этом признании, то я обращусь к свидетельству двух высокопоставленных дам, бывших поверенными всех моих тревог, которым я день за днем давал отчет во всех моих усилиях порвать эту несчастную связь»⁸⁹. Трудно допустить, чтобы Геккерен писал эти признания графу Нессельроде на ветер, заранее будучи уверен, что ни Пушкину, ни высокопоставленных дам не спросят: ведь он знал, что его письма к графу Нессельроде будут известны императору Николаю, и должен был считаться с возможностью того, что император возьмет да и прикажет расспросить всех указанных им свидетельниц по делу! Наконец, Геккерен в своем оправдании указывает на один любопытный факт, остающийся невыясненным для нас и по сей день: «Мне скажут, что я должен был бы повлиять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизведя письмо, которое я потребовал от сына, – письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки»⁸⁹. Если поверить Геккерену, то этот факт с письмом заставляет многое в

⁸⁸ «Переписка», III, № 1105, с. 412.

⁸⁹ «Дуэль», 186. С этим указанием, кажется, следует сопоставлять тоже неясное сообщение князя Вяземского о письме, которое будто бы, по просьбе Геккеренов, должна была написать Наталья Николаевна к Дантесу («Дуэль», 143).

истории Дантеса и Н. Н. Пушкиной отнести за ее счет. К вышеприведенным словам Геккерен делает ехидное добавление: «Г-жа Пушкина воспользовалась им, чтобы доказать мужу и родне, что она никогда не забывала своих обязанностей». Итак, следуя соображениям здравого смысла, мы более склонны думать, что барон Геккерен не повинен в сводничестве: скорее всего, он действительно старался о разлучении Дантеса и Пушкиной. Вспоминается одна фраза из письма Геккерена к Дантесу, написанного из Петербурга после высылки последнего за границу: «Боже мой, Жорж, что за дело оставил ты мне в наследство! А все недостаток доверия с твоей стороны. Не скрою от тебя, меня огорчило это до глубины души; не думал я, что заслужил от тебя такое отношение»⁹⁰. Отношения, зачерченные в этих строках, не позволяют принять огульно утверждение о своднической роли барона Геккерена.

Ухаживанья Дантеса за Н. Н. Пушкиной стали сказкой города. Об них знали все и с пытливым вниманием следили за развитием драмы⁹¹. Свет с зловещим любопытством наблюдал и ждал, чем разразится конфликт. Расцвет светских успехов Натальи Николаевны больно поражал сердце поэта. В марте 1836 года Пушкина была в наибольшей моде в петербургском свете, а Пушкин внимательным и близким наблюдателям казался все более и более скучным и эгоистичным. В октябре того же года, т. е. накануне рассылки пасквилей, в Петербурге говорили о Пушкиной гораздо больше, чем о ее муже. Анна Николаевна Вульф признавала, что о Пушкине в Тригорском больше говорили, чем в Петербурге. И никто из видевших не подумал о том, что надо помочь Пушкину, надо предупредить возможный роковой исход. «Вашему императорскому высочеству, – писал после смерти поэта князь Вяземский Михаилу Павловичу, – неизвестно, что молодой Геккерен ухаживал за г-жею Пушкиной. Это неумеренное и довольно открытое ухаживание порождало сплетни в гостиных и мучительно озабочивало мужа»⁹². Михаилу же Павловичу писал то же после смерти поэта император Николай: «Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится их неловкое положение»⁹³. И этот монарх, считавший для себя все дозволенным, не сделал ровно ничего к предупреждению рокового исхода. П. И. Бартенев слышал от графа В. Ф. Адлерберга о его попытке устранить столкновение Пушкина с Дантесом: «Зимой 1836–1837 гг., на одном из бывших вечеров, граф В. Ф. Адлерберг увидел, как стоявший позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукий кому-то указывал на Дантеса и при этом подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами... Находясь в постоянных дружеских сношениях с Жуковским, восхищаясь дарованием Пушкина, он тревожился мыслью о сем последнем. Ему вспомнилось, что кавалергард Дантес как-то выражал желание проехать на Кавказ и подраться с горцами. Граф Адлерберг поехал к великому князю Михаилу Павловичу (который тогда был Главнокомандующим Гвардейским корпусом) и, сообщив ему свои опасения, говорил, что следовало бы хоть на время удалить Дантеса из Петербурга. Но остроумный француз-красавец пользовался большим успехом в обществе. Его считали там украшением балов. Он подкупал и своим остроумием, до которого великий князь был большой охотник, и меру, предложенную графом Адлербергом, не успели привести в исполнение»⁹⁴.

⁹⁰ «Дуэль», 279.

⁹¹ Граф Отто фон Брей, бывший в 1833–1836 годах секретарем баварского посольства и в *феврале 1836* года переведенный из Петербурга в Париж, уже был свидетелем того тяжелого положения, которое привело Пушкина к трагическому концу. Граф Брей, живя в Петербурге, вращался в салонах Карамзиной и Виельгорских, поддерживал знакомство с князем П. А. Вяземским. См.: Graf Otto von Bray-Steinburg. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. K. vo/i Heigel. Lpz. 1901. S. 11, 14. А.О. «оссет вспоминал впоследствии, Что летом 1836 года шли толки, будто У Пушкина в семье что-то не ладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса. – «Русск. арх.», 1882, I, 246.

⁹² «Дуэль», 140.

⁹³ «Пушкин», 358.

⁹⁴ «Русск. арх.», 1892 г., т. II, с. 488. Из записной книжки «Р. А».

«Неумеренное и довольно открытое ухаживание Дантеса за Н. Н. Пушкиной порождало сплетни в гостиных»⁹⁵. Дантес и Пушкина встречались на балах, в великосветских гостиных. Местом встреч был также и дом ближайших друзей Пушкина, князей Вяземских. Хозяйка дома, обязанная принимать и Дантеса и Пушкина, была поставлена в двусмысленное положение. «Н. Н. Пушкина бывала очень часто, и всякий раз, как она приезжала, являлся и Геккерен, про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится. Оберегая честь своего дома, княгиня-мать напрямик объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживания за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не отходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно – приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерена. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзиных»⁹⁶.

У Карамзиных Дантес был принят наилучшим образом. В особенно аружеских отношениях он был с Андреем Николаевичем Карамзиным: после смерти Пушкина А. Н. Карамзин должен был употребить усилие, дабы не стать вновь на такую же дружескую ногу, как было раньше⁹⁷.

Мы уже говорили о том, что обвинения Геккерена в сводничестве дряд ли имеют под собой почву. Но были добровольцы, принявшие на себя эту гнусную обязанность. К такому молва упорно причисляет йдалию Григорьевну Полетику, незаконную дочь графа Григория Александровича Строганова. «Она была известна», говорит один современник, князь А. В. Мещерский, «в обществе как очень умная женщина, но с весьма злым языком, в противоположность своему мужу, которого называли «Божьей коровкой»»⁹⁸. «Она олицетворяла тип обаятельной женщины не столько миловидностью лица, как складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшими ей всюду постоянный несомненный успех»⁹⁹. С этой Идалией подружилась Наталья Николаевна; сближению сильно содействовало то обстоятельство, что отец Идалии, граф Г. А. Строганов, был двоюродным братом матери Пушкиной, Натальи Ивановны Гончаровой, рожденной Загряжской. Муж Полетики – в то время ротмистр Кавалергардского полка – был приятелем Дантеса. Идалия Полетика дожила до преклонной старости (умерла в 1889 году) и до самой смерти питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пушкина¹⁰⁰.

Причины этой ненависти нам неизвестны и непонятны. Редкие упоминания о Полетике в письмах Пушкина к жене рисуют довольно Фужественные отношения Пушкиных к Идалии. Но Идалия не платила им той же монетой. Княгиня В. Ф. Вяземская обвиняла Идалию Полетику в том, что она сводила Дантеса с Натальей Николаевной и предоставляла свою квартиру для свиданий. В последней главе истории дуэли мы еще встретимся с Полетикой.

Своеобразной пособницей Дантесу и Пушкиной явилась, по словам княгини В. Ф. Вяземской, и сестра Натальи Николаевны, девица Екатерина Гончарова. Она была влюблена в Дантеса и нарочно устраивала свидания своей сестры с Дантесом, чтобы только, в качестве наперсницы, повидать лишний раз предмет своей тайной страсти.

⁹⁵ «Дуэль», 140.

⁹⁶ «Русск. арх.», 1888, II, 308. Сравн. там же, 1906, III, 619.

⁹⁷ О хорошем отношении к Дантесу в семье Карамзиных можно заключить из письма А. Н. Карамзина. – «Старина и новизна», кн. 17.

⁹⁸ С. А. Панчулидзе. Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. СПб., 1906, с. 351.

⁹⁹ А. П. Арапова, назв. соч. – «Нов. время», 1908, № 11425.

¹⁰⁰ О Полетике см. любопытный рассказ П. И. Бартенева. – «Русск. арх.», 1911, I, 175 и сл. Ее портрет – в «Альбоме Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук», под редакцией Л. Н. Майкова и Б. Л. Мод-левского. СПб., 1899.

Пушкин знал об ухаживаниях Дантеса; он наблюдал, как крепло и росло увлечение Натальи Николаевны. До получения анонимных писем в ноябре он, по-видимому, не пришел к определенному решению, как ему поступить в таких обстоятельствах. Вяземский писал впоследствии: «Пушкин, будучи уверен в привязанности к себе своей жены и в чистоте ее помыслов, воспользовался своей супружеской властью, чтобы вовремя предупредить последствия этого ухаживания, которое и привело к неслыханной катастрофе».

Сам Пушкин в письме к Геккерену пишет, что поведение его сына было ему давно известно и что он не мог оставаться равнодушным; но до поры, до времени он довольствовался ролью наблюдателя, откладывая свое вмешательство до удобного момента. В Пушкине сидел человек XVIII века, рационалист, действующий по известным максимам, которых было так много в этот век. Он теоретически верил тому, что при нарастании любовного конфликта жены с третьим человеком муж в определенный момент и может, и должен стать доверенным своей жены и взять в свои руки управление поведением жены. Но этот принцип, удобный теоретически, на практике оказался неудобоприменимым. Из письма Пушкина к барону Геккерену видно, что он только по получении анонимных писем счел момент подходящим для того, чтобы стать доверенным своей жены и хозяином ее поведения, но из дальнейших событий ясно, что Пушкин упустил момент: доверенность жены не оказалась полной, и полновластным хозяином поведения молодой женщины он уже не мог стать. Несмотря на свою пассивность, робость, Наталья Николаевна не имела сил подчиниться исключительно воле мужа и противостоять сладкому влиянию Дантеса.

6

«4 ноября поутру, – писал Пушкин в неотправленном письме к Бенкендорфу, – я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены»...¹⁰¹ После некоторых справок и розысков Пушкин узнал, что «в тот же день семь или восемь лиц также получили по экземпляру того же письма, в двойных конвертах, запечатанных и адресованных на мое имя. Почти все, получившие эти письма, подозревая какую-нибудь подлость, не отослали их ко мне»¹⁰². Нам известно, что такие письма получили князь П. А. Вяземский, граф М. Ю. Виельгорский, тетка графа В. А. Соллогуба – г-жа Васильчикова, Е. М. Хитрово. «4 ноября, – писал князь Вяземский великому князю Михаилу Павловичу, – моя жена вошла ко мне в кабинет с запечатанной запиской, адресованной Пушкину, которую она только что получила в двойном конверте по городской почте. Она заподозрила в ту же минуту, что здесь крылось что-либо оскорбительное для Пушкина. Разделяя ее подозрения и воспользовавшись правом дружбы, которая связывала меня с ним, я решился распечатать конверт и нашел в нем документ. Первым моим движением было бросить бумагу в огонь, и мы с женой дали друг другу слово сохранить все это в тайне. Вскоре мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многих лиц, получивших подобные письма, и даже Пушкин не только сам получил такое же, но и два других подобных, переданных ему друзьями, не знавшими их содержания и поставленными в такое же положение, как и мы». «В первых числах ноября 1836 г., – читаем мы в воспоминаниях графа В. А. Соллогуба, – тетка моя Васильчикова, у которой я жил тогда на Большой Морской, велела однажды утром меня позвать к себе и сказала: «Представь себе, какая странность! Я получила сегодня пакет на мое имя, распечатала и нашла в нем другое, запечатанное письмо с надписью: Александру Сергеевичу Пушкину. Что мне с этим делать?» Говоря так, она вручила мне письмо, на котором было действительно написано кривым лакейским почерком: Александру Сергеевичу Пушкину. Мне тотчас же пришло в голову, что в этом письме что-нибудь написано о моей прежней личной истории с Пушкиным, что, следовательно, уничтожить его я не должен, а распечатать не вправе. Затем я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете, распечатал конверт и тотчас сказал мне: «Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елиз. Мих. Хитрово: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безымянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя – ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитрово». Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами»¹⁰³.

В конце концов, анонимные письма, которым нередко приписывают гибель Пушкина, явились лишь случайным возбудителем. Не будь их, – все равно раньше или позже настал бы момент, когда Пушкин вышел бы из роли созерцателя любовной интриги его жены и Дантеса. В сущности, зная страстный и нетерпеливый характер Пушкина, надо удивляться лишь тому, что он так долго выдерживал роль созерцателя. Отсутствие реакции можно приписать тому состоянию оцепенения, в которое его в 1836 г. повергали все его дела: и материальные, и литературные, и иные. О состоянии Пушкина в последние месяцы жизни следовало бы сказать особо и подробно.

¹⁰¹ «Переписка», III, Ns 1106, с. 416.

¹⁰² Там же, 416.

¹⁰³ «Воспоминания графа В. А. Соллогуба. Новые сведения о предсмертном поединке А. С. Пушкина». М., 1866, с. 41–44. Письмо Пушкина к Е. М. Хитрово до нас не дошло.

Анонимные письма были толчком, вытолкнувшим Пушкина из колеи созерцания. Чести его была нанесена обида, и обидчики должны были понести наказание. Обидчиками были те, кто подал повод к самой мысли об обиде, и те, кто причинил ее, кто составил и распространил пасквиль.

Повод был очевиден: ухаживания Дантеса. Лица, с которыми Пушкин говорил по этому поводу, по его собственным словам, «пришли в негодование от неосновательного и низкого оскорбления». «Все, повторяя, что поведение моей жены безукоризненно, говорили, что поводом к этой клевете послужило слишком явное ухаживание за нею Дантеса», – писал Пушкин в письме к Бенкендорфу¹⁰⁴. Произошли объяснения с женой, которые, конечно, только утвердили общую молву. Наталья Николаевна, передавая мужу об ухаживаниях Дантеса, подчеркивала его навязчивость, а заодно указала и на то, что старый Геккерен старался склонить ее к измене своему долгу; о себе она призналась только в том, что, по легкомыслию и ветрености, слишком снисходительно отнеслась к приставам Дантеса. Ее объяснения, если верить словам Вяземского и самого Пушкина, оставили в Пушкине впечатление полной ее невинности и решительной гнусности ее соблазнительей. «Пушкин, – говорит Вяземский, – был тронут ее доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячим и страстным характером, не мог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен; мучимый ревностью, оскорбленный в самых нежных, сокровенных своих чувствах, в любви к своей жене, видя, что честь его задета чьей-то неизвестной рукой, он послал вызов молодому Геккерену, как единственному виновнику, в его глазах, в двойной обиде, нанесенной ему в самое сердце»¹⁰⁵ «Я не мог допустить, – писал Пушкин в письме к Бенкендорфу, – чтобы в этой истории имя моей жены было связано клеветой с именем кого бы то ни было. Я просил сказать об этом г. Дантесу»¹⁰⁶.

4 ноября Пушкин получил анонимные письма и на другой день, 5 ноября¹⁰⁷, отправил вызов Дантесу на квартиру его приемного отца барона Геккерена. Как раз в этот день Дантес находился дежурным по дивизиону¹⁰⁸, дома не был, и вызов попал в руки барона Геккерена. Со слов К. К. Данзаса сообщалось в свое время, что «Пушкин послал вызов Дантесу через офицера Генерального штаба К. О. Россета»¹⁰⁹.

Вряд ли это сообщение верно. Вызов был письменный. Когда графу Соллогубу пришлось позднее выступить в роли секунданта, д'Аршиак, секундант Дантеса, желая ознакомить его с обстоятельствами дела, предъявил ему документы и среди них «вызов Пушкина Дантесу». По всей вероятности, вызов был просто послан, а не передан кем-либо, ибо попасть не по назначению он мог только в том случае, если он был послан, и ни один секундант в мире не позволил бы себе передать вызов кому-либо иному, а не вызываемому. Вызов Пушкина не был мотивирован.

Вызов Пушкина застал барона Геккерена врасплох. О его замешательстве, о его потрясении свидетельствуют и дальнейшее его поведение, и сообщения Жуковского в письмах к

¹⁰⁴ «Переписка», III, N» 1106, с. 417.

¹⁰⁵ «Дуэль», 141.

¹⁰⁶ «Переписка», III, № 1106, с. 417.

¹⁰⁷ Геккерен в письме к Загряжской от 13 ноября дает эту дату: «Depuis huit jours d'angoisses j'ai été si heureux et si tranquille hier au soir...» («Дуэль», 178). Промежуток восьми тревожных дней, кончившийся 12 ноября вечером, начался, следовательно, с 5 ноября, – дня, в который в руки барона Геккерена попал вызов, предназначенный Дантесу.

¹⁰⁸ С. А. Панчулидзе сообщил мне касающиеся Дантеса выписки из приказов по Кавалергардскому полку. Из них видно, что 4 ноября поручику барону Дантесу-Геккерену за незнание людей своих взводов и за неосмотрительность в своей одежде командир полка сделал строжайший выговор и предписал нарядить его дежурным по дивизиону пять раз. Дежурил Дантес, во исполнение предписания, 5, 7, 9, 11 и 13 ноября. Эти даты важны для хронологии событий.

¹⁰⁹ Конспективная записка Жуковского, хранящаяся в принадлежащем Пушкинскому дому Музее А. Ф. Онегина в Париже, появляется в настоящей книге (см. ниже, в V отделе второй части нашей книги) впервые. При цитировании ее в дальнейшем изложении отдельных ссылок не делаю.

Пушкину. Он в тот же день отправился к Пушкину, заявил, что он принимает вызов за своего сына, и просил отложить окончательное решение на 24 часа – в надежде, что Пушкин обсудит еще раз все дело спокойнее и переменит свое решение. Через 24 часа, т. е. 6 ноября, Геккерен снова был у Пушкина и нашел его непоколебимым. Об этом его свидании с Пушкиным князь Вяземский рассказывает в письме к великому князю Михаилу Павловичу следующее: «Геккерен рассказывал Пушкину о своем критическом положении и затруднениях, в которые его поставило это дело, каков бы ни был его исход; он говорил ему о своих отеческих чувствах к молодому человеку, которому он посвятил всю свою жизнь с целью обеспечить ему благосостояние. Он прибавил, что видит здание всех своих надежд разрушенным до основания в ту самую минуту, когда считал свой труд доведенным до конца. Чтобы подготовиться ко всему, могущему случиться, он попросил новой отсрочки на неделю. Принимая вызов от лица молодого человека, т. е. своего сына, как он его называл, он тем не менее уверял, что тот совершенно не подозревает о вызове, о котором ему скажут в последнюю минуту. Пушкин, тронутый волнением и слезами отца, сказал: «Если так, то не только неделю – я вам даю две недели сроку и обязуюсь честным словом не давать никакого движения этому делу до назначенного дня и при встречах с вашим сыном вести себя так, как если бы между нами ничего не произошло». Пушкин в письме к Бенкендорфу излагает кратко историю отсрочки: «Барон Геккерен является ко мне – и принимает вызов за г. Дантеса, прося отсрочки поединка на 15 дней».

7

Геккерену удалось отсрочить поединок и выиграть таким образом время. Теперь надо было употребить все старания к тому, чтобы устранить самое столкновение с возможным роковым исходом. Эта забота легла на сердце не одному Геккерену. Переполюшилась, конечно, прежде всего Наталья Николаевна, а за нею – ее сестры и тетушка, покровительница всех сестер Гончаровых, – фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская. Вызов был сделан; срам, грозил ее любимой (*fille de son coeur, sa fille d'adoption*) племяннице, так хорошо принятой при дворе, и, конечно, ей самой, опекавшей и охранявшей сестер Гончаровых. Надо было сделать все, что только возможно, чтобы предупредить скандал, устранить дуэль, затушить дело. Ни Наталья Николаевна, ни ее сестры, конечно, ничего тут не могли сделать, и надо было действовать самой Загряжской. Она так и поступила и приняла деятельнейшее участие в развитии дальнейших событий. 6 ноября молодой Гончаров, брат Натальи Николаевны, съездил в Царское Село к Жуковскому, и в тот же день Жуковский был уже в Петербурге. Жуковский был другом, которого Пушкин слушался в мирских делах; Жуковский любил Пушкина и был миролюбив, и Гончаровы поступили правильно, вызвав его и вмешав в разыгравшиеся события.

Пушкин отправил вызов. Надо было убедить его отказаться от вызова. Над вопросом, как это сделать, ломали голову барон Геккерен, Е. И. Загряжская и Жуковский.

6 ноября Жуковский, по вызову Гончарова, приехал в Петербург и направился к Пушкину. В то время, как он находился у него, явился Геккерен. Это было второе посещение Пушкина Геккереном, когда он добился двухнедельной отсрочки. Жуковский оставил Пушкина и спустя некоторое время снова вернулся к нему. Конец дня Жуковский провел у графа Виельгорского и князя Вяземского. Очевидно, разговор шел о деле Пушкина. Вечером Жуковский получил письмо от Е. И. Загряжской.

На другой день, утром 7 ноября, Жуковский был уже у Загряжской. «От нее к Геккерену» – кратко гласит конспективная записка Жуковского, которою мы в дальнейшем изложении будем пользоваться; она является важнейшим источником для истории ноябрьского столкновения Пушкина с Дантесом; к сожалению, многие заметки в записке Жуковского слишком конспективны, писаны были про себя и толкованию не поддаются.

«Поутру у Загряжской. От нее к Геккерену. (*Mes antécédents* – неизвестное совершенное прежде бывшего)». Эти краткие указания нетрудно развернуть. Загряжская обратилась к Жуковскому с просьбой о содействии и помощи при разрешении конфликта и рассказала остававшиеся ему неизвестными обстоятельства, происшедшие до вызова. Эти «*antécédents*» мы не можем выяснить ни по заметкам Жуковского, ни по другим источникам. А что-то было действительно! На это есть намеки и в разорванном черновике письма Пушкина к Геккерену. От Загряжской Жуковский поехал к Геккерену. Ясно, что посещение Геккерена было продиктовано Жуковскому именно Загряжскою. Во всяком случае, сообщение Вяземского о том, что барон Геккерен бросился к Жуковскому и Михаилу Виельгорскому с уговорами о посредничестве, неверно, по крайней мере, по отношению к Жуковскому. Если Геккерен искал помощи в Жуковском и других, то и они, в свою очередь, искали его содействия. Неясно, было ли внушенное Загряжскою посещение Жуковским Геккерена первым опытом ее сношений с Геккереном, или они обменялись встречами еще до наступления этого момента и Жуковский явился официальным посредником? Неясен, по связи с только что поставленным, и следующий вопрос: был ли у Загряжской уже определенный (но пока не сообщенный Жуковскому) план предотвращения беды, или она отправила Жуковского к Геккерену только поговорить и посмотреть, нельзя ли что-либо сделать?

У Геккерене жуковского ждали «открытия»: «о любви сына к Катерине; открытие о родстве; о предполагаемой свадьбе». По поводу первого открытия Жуковский в скобках заметил: «моя ошибка насчет имени». Дело, кажется, надо представлять себе так. Геккерен сказал Жуковскому, что его сын любит не m-me Пушкину, а ее сестру. Жуковский назвал Александрину и ошибся. Второе открытие Геккерена невразумительно: о каком родстве мог открыться Геккерен? О, родстве с Дантесом? Но об этом говорили только сплетни, а в действительности его не было. Быть может, Геккерен говорил о далеком родстве или, вернее, свойстве Дантеса с Пушкиными?

Итак, уже 7 ноября, через 48 часов после вызова, была пущена в оборот мысль об ошибочных подозрениях Пушкина и о предполагавшейся свадьбе Дантеса и Екатерины Гончаровой. Как, у кого возникла эта мысль? Жуковский услышал ее впервые от Геккерена, но это не значит, что эта мысль его создание. Обычное представление таково: Геккерены так перепугались вызова и были в таком смятении, что готовы были пойти на все, что открывало просвет среди темных и тревожных обстоятельств. Прежде всего подставили вместо Натальи Николаевны Катерину Николаевну и заявили, что чувства Дантеса относились к последней. Ну, а если такое заявление поведет к женитьбе? Не беда: можно и Жениться, но только бы не драться, только бы не подставлять грудь под выстрел Пушкина! Такое обычное представление должно признать несоответствующим действительности. *Проект сватовства Дантеса к Катерине Гончаровой существовал до вызова.* Жуковский в одном из «дуэльных» писем к Пушкину упоминает о бывшем в его руках и полученном от Геккерена материальном доказательстве, что «дело, о коем теперь идут толки (т. е. женитьба Дантеса), затеяно было еще гораздо прежде вызова». Геккерен в письме к Загряжской от 13 ноября тоже говорит о том, что проект свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса существует уже давно и что сам он отрицательно относился к этому проекту по мотивам, известным Загряжской. В переписке отца Пушкина с дочерью, Ольгой Сергеевной, есть упоминания о возможном браке m-lle Гончаровой и Дантеса еще в письме от 2 ноября 1836 года. В этот день Ольга Сергеевна писала из Варшавы своему отцу: «Вы мне сообщаете новость о браке Гончаровой». А Сергей Львович Пушкин жил в то время в Москве, и, следовательно, по крайней мере во второй половине октября в Москву уже дошли слухи о возможной женитьбе¹¹⁰.

Итак, мысль о женитьбе Дантеса на Гончаровой существовала до вызова. В каких реальных формах нашла выражение эта мысль, определить затруднительно. Было ли Геккеренами только брошено на ветер слово о возможности брака Екатерины Гончаровой и Дантеса, или мысль эта дебатировалась подробно, неизвестно. Нам представляется наиболее вероятным, что и в самый момент возникновения проект женитьбы на Гончаровой уже представлялся средством отвести глаза Пушкину и скрыть от него истинный смысл ухаживаний Дантеса. Мысль была высказана не только между Дантесом и Геккереном, но пошла, как мы видели, и дальше и, следовательно, не могла быть чуждой и Загряжской с ее племянницами. Геккерен в свое время отринул проект женитьбы, но произошли новые события, Пушкин прислал вызов; надо было отбиться от поединка, — и вот отверженная мысль становится спасительной. Но ведь точно так же, как Геккерен, и Загряжская, не менее Геккерена желавшая потушить все дело, могла схватиться за отброшенную в свое время мысль о женитьбе как за якорь спасения. Как ни была мимолетна эта мысль, она тотчас же всплыла на поверхность, лишь только грянул гром и Пушкин послал свой вызов. Геккерен заметался, ища выхода, ища спасения от дуэли, а Дантес, лишь только осведомился о вызове, сейчас же принял позу.

В объяснениях своих перед русским министром иностранных дел графом Нессельроде и перед нидерландским правительством Геккерен определенно говорит о том, что Дантес решился на брак с исключительной целью не компрометировать дуэлью ш-ше Пушкину.

¹¹⁰ См.: «Пушкин и его современники», вып. XII, с. 88 и 94.

«Сын мой, – писал Геккерен своему министру барону Верстолку, – понимая хорошо, что дуэль с г. Пушкиным уронила бы репутацию жены последнего и скомпрометировала бы будущность его детей, счел за лучшее дать волю своим чувствам и попросил у меня разрешения сделать предложение сестре г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особе, жившей в доме супругов Пушкиных; этот брак, вполне приличный с точки зрения света, так как девушка принадлежала к лучшим фамилиям страны, спасал все: репутация г-жи Пушкиной оставалась вне подозрений, муж, разуверенный в мотивах ухаживания моего сына, не имел бы поводов считать себя оскорбленным (повторяю, клянусь честью, что он им никогда и не был), и, таким образом, поединок не имел бы уже смысла. Вследствие этого я полагал своей обязанностью дать согласие на этот брак»¹¹¹. В письме к графу Нессельроде Геккерен выражается еще резче, еще определеннее. Опровергая предположение, выставлявшее Дантеса автором подметных писем, Геккерен пишет: «С какою целью? Разве для того, чтобы заставить ее броситься в его объятия, не оставив ей другого исхода, как погибнуть в глазах света и отвергнутой мужем? Но подобное предположение плохо вяжется с тем высоконравственным чувством, которое заставило моего сына *закабалить себя на всю жизнь*, чтобы спасти репутацию любимой женщины. Или он хотел вызвать тем поединок, надеясь на благоприятный исход? Но три месяца тому назад он рисковал тем же; однако, будучи далек от подобной мысли, он предпочел *безвозвратно себя связать* с единственной целью – не компрометировать г-жу Пушкину». Прусский посланник Либерман, доносивший после смерти Пушкина об истории дуэли и почерпавший свои сведения, по всей вероятности, от самого Геккерена, – по поводу брака Дантеса сообщил, между прочим: «Чтобы положить конец поднявшемуся по поводу этого дела шуму, молодой барон. Геккерен совершенно добровольно решился жениться на сестре т-те Пушкиной, которой он также оказывал большое внимание. Хотя девушка не имела никакого состояния, приемный отец молодого человека дал свое согласие на брак».

Каковы были психологические мотивы решимости Дантеса «закабалить» себя браком на немилой женщине? Действительно ли для него на первом плане стояло счастье любимой женщины, и для того лишь только, чтобы не омрачить его, он, как рыцарь, приносил в жертву своей любви счастье своей жизни? Или же он попросту испугался поединка и ради устранения его, ради устранения возможного рокового исхода предпочел «закабалить» себя на всю жизнь? Такие вопросы ставил себе в 1842 году, значит, через пять лет после смерти Пушкина, его приятель Н. М. Смирнов. И не мог их разрешить. «Что понудило Дантеса вступить в брак с девушкою, которой он не мог побить, трудно определить; хотел ли он, жертвуя собою, успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил, от нареканий света, или надеялся он, обманув этим ревность мужа, иметь, как брат, свободный доступ к Наталье Николаевне; испугался ли он дуэли, – это неизвестно». Прежде чем ответить на эти вопросы, приведем любопытные рассуждения князя Вяземского в письме к великому князю Михаилу Павловичу: «Говоря по правде, надо сказать, что мы все, так близко следившие за развитием этого дела, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккерен решился на этот отчаянный поступок, лишь бы избавиться от поединка. Он сам был, вероятно, опутан темными интригами своего отца. Он приносил себя ему в жертву. Я его, по крайней мере, так понял. Но часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. Ничто ни в прошлом молодого человека, ни в его поведении относительно нее не допускает мысли о чем-либо подобном». В рассуждениях Вяземского следует отметить, что он и другие друзья Пушкина не решались приписать поступка Дантеса побуждению трусливого характера. Очень темны сообщения Вяземского о темных интригах Геккерена, которые

¹¹¹ «Дуэль», 144.

будто бы вызвали Дантеса на такой поступок. Не согласнее ли с истиной вещей признать, что решение Дантеса, как и большинство человеческих решений, не является следствием одного какого-либо мотива, а есть результат взаимодействия мотивов? Остается, во всяком случае, фактом то, что он был влюблен в Наталью Николаевну, желал ее, тянулся к ней через все препятствия, не останавливаясь и перед смертельной опасностью. После всего того, что случилось в ноябре, не удержался же он от соблазна новых сближений с ней в январе после своей свадьбы! Чего достигал он, объявляя о своих матримониальных намерениях и вступая в брак? Да, конечно, прежде всего он мог питать надежду, что его решение отведет гнев Пушкина от головы Натальи Николаевны и охранит ее репутацию, ослабив светское злословие и светские сплетни. Но были и еще выгоды. Поединок оторвал, отдалил бы его навсегда от Пушкиной, а брак на ее сестре, наоборот, приблизил бы, облегчил бы возможность встреч, сближений под покровом родственных отношений и чувств. Стоило только бракосочетанию совершиться, как Дантес сейчас же стал пользоваться такой возможностью. О том, что между ними станет третий человек – Екатерина Гончарова, Дантес, по всей вероятности, и не думал: он слишком был легок для таких долгих мыслей и слишком победитель женских сердец. Екатерина Гончарова была вся в его власти, ибо она была страстно влюблена в него и, зная, конечно, об отношениях Дантеса к сестре, об его влюбленности в нее, ни на минуту не задумалась соединить свою руку с рукой Дантеса. «Согласие Екатерины Гончаровой и все ее поведение в этом деле непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ее желанием во что бы то ни стало выйти из разряда старых дев», – писал князь Вяземский, забывая добавить, что к этому, вполне законному, желанию присоединялось и страстное увлечение Геккереном. Припомним и рассказ княгини Вяземской о том, как Екатерина Николаевна содействовала свиданиям сестры с Дантесом, чтобы лишний раз насладиться лицезнением предмета своей страсти. А затем, как бы ни было сильно чувство любви Дантеса к Н. Н. Пушкиной, выливавшееся, главным образом, в стремлении к обладанию, оно не исключало возможности любовных достижений у других женщин. И даже перед Натальей Николаевной Дантес мог бы выиграть своим решением, – она должна была оценить самоотвержение, с каким он бросился в кабалу. И такое рассуждение могло быть у Дантеса, когда он решался объявить свое намерение жениться на Екатерине Гончаровой.

8

Возвратимся к Жуковскому, выслушавшему «открытия» Геккерена. По рассказу князя Вяземского, «Геккерен уверял Жуковского, что Пушкин ошибается, что сын его влюблен не в жену его, а в свояченицу, что уже давно сын его умоляет своего отца согласиться на их брак, но что тот, находя брак этот неподходящим, не соглашался, но теперь, видя, что дальнейшее упорство с его стороны привело к заблуждению, грозящему печальными последствиями, он, наконец, дал свое согласие». Свои действия и свое впечатление Жуковский отметил в конспективной записке кратко: «Мое слово. – Мысль все остановить». «Слово» Жуковского, по всей вероятности, верно передано в воспоминаниях со слов К. К. Данзаса: «Жуковский советовал барону Геккерену, чтобы сын его сделал как можно скорее предложение свояченице Пушкина, если он хочет прекратить все враждебные отношения и неосновательные слухи». Рассказ Геккерена открыл умственным очам Жуковского ранее не существовавшую возможность расстроить дуэль, внушил «мысль все остановить». Все оказывалось таким простым: стоило сказать Пушкину, что он ошибся, что Дантес желал в действительности не его жену, а Екатерину Гончарову, – и дело обрешется.

Но сделать это было не легко. Геккерен открылся Жуковскому в своих планах, но потребовал от него строжайшего сохранения всего им сказанного в величайшей тайне от всех, и от Пушкина в том числе, представляя Жуковскому положение вещей в таком виде. Обстоятельства складывались в пользу брака, он сам дает свое разрешение, брак мог бы осуществиться, но теперь его осуществлению мешает вызов Пушкина, ибо теперь в свете скажут, что угроза поединка заставила Дантеса неожиданно и против воли жениться на Гончаровой; а такое мнение – мало того, что оно неверно, – оскорбительно и Геккеренами не может быть допущено. Но в то же время, раз их действительные желания таковы и раз вообще действительность такова, какую рисуют ее они, а не Пушкин, то поединок явно нелеп и должен быть устранен. Об этом уж пусть заботятся друзья Пушкина. А Дантес исполнит то, что велит ему долг: он принял вызов, примет и поединок и после поединка объявит о сватовстве своем к Екатерине Гончаровой. Поединок мог бы быть устранен, по мнению Геккеренов, в том случае, если бы Пушкин взял свой вызов обратно и притом отнюдь не на основании предполагаемой возможности брака: Геккерены не приняли бы вожделенного отказа от вызова, если бы он был мотивирован именно таким образом. Выходило так, что действительным основанием для прекращения дуэли была мысль о женитьбе Дантеса на Гончаровой, но Пушкин должен был взять обратно свой вызов на ином, мнимом основании, а не действительном. Жуковскому предстояло вести тонкую двойную игру. То, что Геккерен открыл ему под великим секретом, он должен был передать Пушкину под таким же секретом. Пушкин внутри себя должен был Решать в зависимости от узнанного под секретом, а вне, в рассуждениях с другими, он не мог опираться на внутренние основания.

Вслед за словами «мысль все остановить» в конспективной записке следуют краткие, но выразительные фразы: «Возвращение к Пушкину. Les révélations. Его бешенство». *Révélation* – это, конечно, те открытия, которые только что выслушал Жуковский от Геккерена. Открытия эти возмутили Пушкина до крайней степени, до степени «бешенства». Простодушному Жуковскому можно было отвести глаза, можно было внушить, что предметом исканий Дантеса была не жена Пушкина, а ее сестра! Но как можно было убедить в этом Пушкина, как можно было пытаться говорить об этом Пушкину, когда об ухаживаниях Дантеса за Натальей Николаевной, об его влюбленности в нее он знал от нее самой! Она сама созналась в легкомысленной снисходительности к ухаживаниям Дантеса; наконец, Пушкин видел, что «красивая наружность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство» произвели уже действие на сердце его жены. Смешно было убеждать Пушкина в против-

ном, и потому нетрудно представить «бешенство» Пушкина в ответ на открытия Жуковского и Геккерена. В упоминании о проекте женитьбы он увидел низкую и трусливую попытку увильнуть от дуэли. Пушкин способен был на бешеное излияние своих страстей, но он был прямой человек. И если, вызывая Дантеса, он мог думать, что тот по-своему, но все-таки искренне увлечен Натальей Николаевной, то теперь этот, так легко отрекающийся от любимой им женщины человек показался ему неизмеримо низким, ничтожным и вдобавок презренным трусом, готовым ускользнуть от выстрела противника в немилые объятия. Не имея решительно никакой возможности поверить в свою ошибку (жена вместо свояченицы), Пушкин не поверил и серьезности намерения Дантеса сочетаться браком с Екатериной Николаевной Гончаровой: он думал, что Геккеренам было важно лишь добиться с его стороны отказа от вызова и сорвать поединок. Для этого надо было пустить мысль о браке, а потом можно было и отложить ее осуществление навеки.

Итак, предстояла тяжелая задача – переубедить Пушкина. Время было лучшим помощником.

Непоколебимость Пушкина в своем решении о дуэли нужно было сломить не натиском, а продолжительной и настойчивой осадой. Эту осаду повели Жуковский, Геккерен, Загряжская. Начались переговоры, в которые был вовлечен и Пушкин. Цель их была, с одной стороны, вывести Геккеренов из области слов о предложении, о свадьбе к определенным действиям теперь же, до наступления момента дуэли: с другой стороны – освоить Пушкина с мыслью о браке Гончаровой и Дантеса и убедить его в непременном осуществлении этой мысли.

Под 7 ноября Жуковский отметил еще следующие события: «свидание с Геккерном. Извещение его Вьельгорским. Молодой Геккерн у Вьельгорского». День 8 ноября был посвящен переговорам. «Геккерн у Загряжской», – пометил Жуковский. Тут, очевидно, разговор сводился к убеждению Геккеренов поскорее выявить свои намерения. Жуковский был у Пушкина. «Большое спокойствие. Его слезы. То, что я говорил о его отношениях». Под 9 ноября Жуковский занес опять неясное слово «les revelations de Heckern». Какие разоблачения сделал на этот раз Геккерен, остается неизвестным. Но в результате их Жуковский предложил посредничество. «Мое предложение посредничества. Сцена втроем с отцом и сыном. Мое предложение свидания». Чтобы понять эту запись Жуковского, надо вспомнить двойственность его игры. Официально о предполагаемой женитьбе Дантеса Жуковский не мог говорить, ибо Геккерен взял с него слово держать это в тайне. Неофициальная попытка воздействовать на Пушкина не только была безуспешна, но и чрезмерно раздражила его. Таким образом, дело не подвинулось ни на шаг. Оставался путь официальный, требовавший в данном случае особого дипломатического такта, и Жуковский предложил себя в посредники по переговорам. Мало того, он наметил и первый пункт своей посреднической программы. По его мысли, необходимо было устроить свидание Дантеса с Пушкиным. В этом свидании Пушкин должен был играть роль человека, официально ни о чем не знающего, и пойти на выяснение мотивов своего немотивированного вызова. Затем вступал в дело Дантес и, очевидно, излагал свой настоящий взгляд насчет женитьбы. В результате Пушкин должен был взять вызов обратно. Таков был замысел Жуковского. Ему принадлежит инициатива посредничества и свидания, но для Пушкина эта инициатива должна была исходить от самого Геккерена. Официальная версия: именно Геккерен обратился к Жуковскому с просьбой о посредничестве. Так Геккерен и поступил. 9 ноября он написал Жуковскому следующее письмо:

9/21 ноября 1836 года.
Милостивый государь!

Навестив m-lle Загряжскую, по ее приглашению, я узнал от нее самой, что она посвящена в то дело, о котором я вам сегодня пишу. Она же передала мне, что подробности вам одинаково хорошо известны; поэтому я могу полагать, что не совершаю нескромности, обращаясь к вам в этот момент. Вы знаете, милостивый государь, что вызов г-на Пушкина был передан моему сыну при моем посредничестве, что я принял его от его имени, что он одобрил это принятие и что все было решено между г-м Пушкиным и мною. Вы легко поймете, как важно! для моего сына и для меня, чтоб эти факты были установлены непре-/ рекаемым образом: благородный человек, даже если он несправедливо вызван другим почтенным человеком, должен прежде всего заботиться о том, чтобы ни у кого в мире не могло возникнуть ни малейшего подозрения по поводу его поведения в подобных обстоятельствах.

Раз эта обязанность исполнена, мое звание отца налагает на меня другое обязательство, которое представляется мне не менее священным.

Как вам также известно, милостивый государь, все происшедшее по сей день совершилось без вмешательства третьих лиц. Мой сын принял вызов; принятие вызова было его первой обязанностью, но, по меньшей мере, надо объяснить ему, ему самому, по каким мотивам его вызвали. Свидание представляется мне необходимым, обязательным, – свидание между двумя противниками, в присутствии лица, подобного вам, которое сумело бы вести свое посредничество со всем авторитетом полного беспристрастия и сумело бы оценить реальное основание подозрений, послуживших поводом к этому делу. Но после того, как обе враждующие стороны исполнили долг честных людей, я предпочитаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза Пушкину и сблизить двух лиц, которые доказали, что обязаны друг другу взаимным уважением. Вы, милостивый государь, совершили бы таким образом почтенное дело, и если я обращаюсь к вам в подобном положении, то делаю это потому, что вы один из тех людей, к которым я особенно питал чувства уважения и величайшего почтения, с каким я имею честь быть ваш, милостивый государь,

покорнейший слуга барон Геккерен».

С письмом Геккерена в руках Жуковский пришел к Пушкину и предложил ему устроить свидание с Дантесом. «Дантес хотел бы видаться и говорить с Пушкиным», – сказал Пушкину Жуковский. Как Жуковский объяснял положение вещей, как он мотивировал желание Дантеса, с каким дипломатическим подходом подошел он к Пушкину, обо всем этом ясное представление дают его письма к Пушкину, которые теперь уже можно датировать. Предложение свидания Жуковский сделал 9 ноября; Пушкин, очевидно (если судить по письмам Жуковского), отнесся резко-определенно к предложению Жуковского, столь резко-определенно, что Жуковский не успел даже развить перед ним всю силу своей дипломатической аргументации и был вынужден убеждать Пушкина письменно. В тот же день, 9 ноября, Жуковский отправил Пушкину следующую записку: «Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну; я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не выдавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак есть еще возможность все остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ не возвратно все кончит. Но ради бога одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Я теперь у Вьельгорского, у которого обедаю».

Вечером 9 ноября Пушкин был у Вьельгорского, и разговоры его с Жуковским на тему о дуэли продолжались здесь. Придя к Вьельгорскому, Пушкин увидел, что Вьельгорский знает о дуэли, и взволновался: ему показалось, что слухи о дуэли распространяются слишком быстро, а недостает только того, чтобы о дуэли узнали жандармские власти. На другой день утром Жуковский написал новое письмо Пушкину. Он успокаивал Пушкина и убеждал его в том, что тайна сохранится. Но главная задача письма была не в этом. «Пишу это, однако, не для того только, чтобы тебя успокоить на счет сохранения тайны. Хочу, чтобы ты не имел

никакого ложного понятия о том участии, какое принимает в этом деле молодой Геккерн. Вот его история. Тебе уж известно, что было с первым твоим вызовом, как он не попался в руки сыну, а пошел через отца, и как сын узнал о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время, когда я у тебя встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день, в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час пополудни будет свободен. Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бѣдный отец, силясь отбиться от несчастья, которого одно ожидание сводит его с ума. Сын, узнав положение дел, хотел непременно видѣться с тобою, но отец, испугавшись свидания, обратился ко мне. Не желая быть зрителем, или актером в трагедии, я предложил свое посредство, то есть хотел предложить его, написав в ответ отцу то письмо, которого брѣвон тебе показывал, но которого не послал и не пошлю. Вот все. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит, почему я и не намерен никого подвергать неприятности отказа. Старый Геккерн таким образом не узнает, что попытка моя с *письмом* его не имела успеха. Это письмо будет ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свидание с тобою может считаться не бывшим.

Все это я написал для того, что счел святейшею обязанностью засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, был совершенно посторонний, что он также готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он также боится, чтобы тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что мне сказал: *«Я приговорен к гильотине, я прибегаю к милости; если мне это не удастся – придется взойти на гильотину. И я взойду, так как люблю честь моего сына так же, как и его жизнь»*. – Этим свидетельством роля, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается...

Но Пушкин был непреклонен, и Жуковскому пришлось поступить так, как он хотел: он вернул Геккерну его письмо. Это письмо хранится до сего дня в архиве барона Дантес-Геккерена. В своем конспекте событий под 10 ноября Жуковский записал: «Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь от свидания. Мое письмо к Геккерну. Его ответ. Мое свидание с Пушкиным».

Пушкин не пошел ни на какие компромиссы, и роль Жуковского, весьма жалко и неудачно сыгранная, закончилась. Дружеское воздействие Жуковского не принесло желанных результатов и уступило место воздействию родственному. В дело вступила Екатерина Ивановна Загряжская, а отказавшийся Жуковский играл роль ее пособника. В его конспективных записках читаем помету: «Посылка ко мне Е. И Что Пушк. сказал Александрине». Слова Пушкина Александрине, очевидно заключали в себе что-то значительное, но что именно, сказать мы сейчае не можем, да и вряд ли будем иметь возможность. Но, очевидно, результатом посещения Жуковским Загряжской было отмеченное им в записке его «посещение Геккерна». У Геккерена Жуковский, конечно, говорил все о том же – как уладить дело. Если бы Геккерены привели в исполнение свой матримониальный проект, то Пушкин взял бы вызов обратно – в этом, очевидно, и Жуковский, и Загряжская были убеждены. Но Геккерен упирался и говорил, что невозможно приступить к осуществлению этого проекта до тех пор, пока Пушкин не возьмет вызова, ибо в противном случае в свете намерения Дантеса жениться на Гончаровой приписали бы трусливому желанию избежать дуэли. Упомянув в конспекте о посещении Геккерена, Жуковский записывает: «Его требование письма». Путь компромисса был указан, и инициатива замирения, по мысли Геккерена, должна была исходить от Пушкина. Он, Пушкин, должен был послать Геккерну письмо с отказом от вызова. Этот отказ устраивал бы господ Геккеренов. Но Пушкин не пошел и на это. «Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве», – записывает в конспекте Жуковский. Эта

запись легко поддается комментарию. Пушкин соглашался написать письмо с отказом от вызова, но такое письмо, в котором было упомянуто о сватовстве как о мотиве отказа. Пушкин хотел сделать то, что Геккерену было всего неприятнее. Есть основания утверждать, что такое письмо было действительно написано Пушкиным и вручено Геккерену-отцу¹¹². Но, оно, конечно, оказалось неприемлемым для Геккеренов.

12 ноября произошло новое совещание Геккерена с Загряжской, на котором выработан новый план воздействия на Пушкина. Загряжская должна была лично переговорить с Пушкиным и утверждать, что инициатива брака Дантеса и Гончаровой исходит от нее, что старый Геккерен долго не соглашался на этот брак, но теперь согласился, и брак состоится сейчас же после дуэли. Сколько правды в этих заявлениях Загряжской и сколько дипломатии, которою надо было опутать Пушкина, сказать трудно. Я выше указывал на то, что слухи о женитьбе Дантеса на Гончаровой существовали гораздо раньше 4 ноября. Содержание той беседы, которую должна была иметь Загряжская с Пушкиным, можно узнать из неизданного письма Геккерена к Загряжской, которое он написал ей 13 ноября утром:

«После беспокойной недели я был так счастлив и спокоен вечером, что забыл просить вас, сударыня, сказать в разговоре, который вы будете иметь сегодня, что намерение, которым вы заняты, о К. и моем сыне существует уже давно, что я противился ему по известным вам причинам, но, когда вы меня пригласили прийти к вам, чтобы поговорить, я вам заявил, что дальше не желаю отказывать в моем согласии, с условием, во всяком случае, сохранять все дело в тайне до окончания дуэли, потому что с момента вызова П. оскорбленная честь моего сына обязывала меня к молчанию. Вот в чем главное, так как никто не может желать обесчестить моего Жоржа, хотя, впрочем, и желание было бы напрасно, ибо достигнуть этого никому не удалось бы. Пожалуйста, сударыня, пришлите мне словечко после вашего разговора, страх опять охватил меня, и я в состоянии, которое не поддается описанию.

Вы знаете тоже, что с Пушкиным не я уполномочивал вас говорить, что это вы делаете сами по своей воле, чтобы спасти своих».

Читая это письмо, чувствуешь, что Геккерен боится, как бы Загряжская чего не напутала, не сбилась, и, простившись с ней накануне, спешит послать к ней подробнейшее наставление.

В какой мере Пушкин был убежден речами Загряжской, мы не знаем, но он, во всяком случае, согласился на свидание с Геккереном у Загряжской, которое и состоялось, может быть, уже 13 ноября или же 14 ноября. Очевидно, Пушкин тут, уже в несколько официальной обстановке, в присутствии Загряжской и Геккерена, выслушал сообщение о предполагаемой свадьбе Дантеса и Гончаровой, и тут же с него было взято слово, что все сообщенное ему останется тайной. К этому именно свиданию относится упоминание Жуковского в письме к Пушкину: «Все это очень хорошо, особенно после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки (которая мне о том сказывала), что все происшедшее останется тайною». Выслушав официальное заявление, Пушкин нашел возможным пойти на уступки и согласился взять свой вызов обратно. Старший Геккерен должен был передать отказ Пушкина своему приемному сыну.

Пушкин дал слово держать в тайне сообщенный ему проект бракосочетания Дантеса и Гончаровой, но, кажется, он не считал себя особо связанным им. Тут были особые причины. Ведь он-то знал, что все симпатии Дантеса были на стороне Натальи Николаевны и что проект женитьбы на Екатерине Николаевне есть только отвод глаз; не верил он в искренность и действительность желаний Дантеса и укрепился в убеждении, что все это делается с исключительным намерением избежать дуэли. Этот образ действий ему был противен, и он в некоторой степени афишировал низость Дантеса, рассказывая, правда в ближайшем кругу,

¹¹² «Переписка», III, № 1094, с. 401–402

о матримониальных планах Дантеса. От нескромности Пушкина трепетал Жуковский, который все боялся, что разглашение тайны Пушкиным станет известно Геккеренам, они откажутся от брака и, следовательно, дуэли не миновать. До нас дошло два длиннейших письма Жуковского к Пушкину, в которых он выговаривает поэту за его нескромность. Он с необыкновенным жаром ратует за Геккеренов, за чистоту их намерений. Письма Жуковского столь характерны, что я позволю себе привести их почти целиком.

«Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. Зачем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне¹¹³? Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом. Думав долго о том, что ты мне вчера говорил, я нахожу твое предположение совершенно невероятным и имею причину быть уверенным, что во всем том, что случилось для отвращения драки, молодой Г<еккерн> нимало не участвовал. Все есть дело отца и весьма натурально, чтобы он на все решился, дабы отвратить свое несчастье. Я видел его в таком положении, которого нельзя выдумать и сыграть как роль. Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Г<еккерн> совершенно в стороне и на это *вчера* еще имел доказательство. Получив от отца Г. доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я дал ему совет поступить так, как он и поступил, основываясь на том, что, если *тайна сохранилась*, то никакого бесчестия не падет на его сына, что и ты сам не можешь предполагать, чтобы он хотел избежать дуэля, который им принят, именно потому, что не он хлопочет, а отец о его отвращении. В этом последнем я уверен, вчера еще более уверился и всем готов сказать, что молодой Г. с этой стороны совершенно чист. Это я сказал и Карамзиным, запретив им крепко-накрепко говорить о том, что слышали от тебя, и уверив их, что вам непременно надобно будет драться, если тайна теперь или даже после откроется. И так требую от тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у вас умерла навсегда. Говорю для *себя* вот почему; полагая, что все обстоятельства, сообщенные мне отцом Геккерном, справедливы (в чем я не имел причины и нужды сомневаться), я сказал, что почитаю его, как отца, в праве и даже обязательно предупредить несчастье открытием дела *как оно есть*; что это открытие будет в то же время и репарациею того, что было сделано против твоей чести перед светом. Хотя я не вмешан в самое дело, но совет мною дан. Не могу же я согласиться принять участие в посрамлении человека, которого честь пропадает, если тайна будет открыта. А эта тайна хранится теперь *между нами*; нам ее должно и беречь. Прошу тебя в этом случае беречь и мою совесть. Если что-нибудь откроется и я буду это знать, то уже мне по совести нельзя будет утверждать того, что неминуемо должно нанести бесчестие. Напротив, я должен буду подать совет противный. Избавь меня от такой горестной необходимости. Совесть есть человек: не могу же находить приличным другому такого поступка, который осрамил бы самого меня на его месте. И так требую тайны теперь и после. Сохранением этой тайны ты также обязан и самому себе, ибо в этом деле и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват! Но более всего ты должен хранить ее для меня: я в это дело замешан невольно и не хочу, чтобы оно оставило мне какое-нибудь нареkanie; не хочу, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что я нарушил доверенность, мне оказанную. Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня».

Это письмо не подействовало на Пушкина, и он продолжал совершать нескромности. Жуковский вновь писал ему: «Вот что приблизительно ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: «Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она

¹¹³ Екатерина Андреевна Карамзина, вдова историка. Пушкин относился к ней с большим уважением и любовью. Умирая, он просил вызвать ее к нему благословить его. Софья Николаевна — дочь Карамзина.

бросит человека в грязь; громкие подвиги Раевского – детская игра перед тем, что я намерен сделать», и тому подобное».

Но Жуковский не считался с Пушкиным, не принимал во внимание его взглядов на виновников события и только, как замороженный, продолжал твердить об одном: о том, что надо хранить тайну и что несохранение тайны компрометирует его, Жуковского. «Все это очень хорошо, – продолжал в письме Жуковский, – особенно после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки (которая мне о том сказывала), что все происшедшее останется тайною. Но скажи мне, какую роль во всем этом я играю теперь и какую должен буду играть после перед добрыми людьми, как скоро все тобою самим обнаружится и как скоро узнают, что и моего тут меду капля есть? И каким именем и добрые люди, и Геккерн, и сам ты наградите меня, если, зная предварительно *о том, что ты намерен сделать*, приму от тебя письмо, написанное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидетельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится и что каждого честь останется неприкосновенною. Хорошо, что ты сам обо всем высказал и что все это мой добрый Гений дрвел до меня заблаговременно. Само по себе разумеется, что я ни о чем случившемся не говорил княгине. Не говорю теперь ничего и тебе; делай что хочешь. Но булавочку свою беру из игры вашей, которая теперь с твоей стороны жестоко мне не нравится. А если Геккерн вздумает от меня потребовать совета, то не должен ли я по совести сказать ему: остерегитесь? Я это и сделаю».

9

Дело все же казалось слаженным. Как бы то ни было, а Пушкин все-таки согласился отказаться от вызова. Но тут пришла новая беда – с совершенно противоположной стороны. На сцену явилось действующее лицо, которое до сих пор выступало без слов. Это Дантес.

До сих пор о нем говорили, за него высказывались, за него принимали решения – теперь начал действовать он сам. По существу, дело было очевидное: женитьба на Екатерине Гончаровой была компромиссной сделкой, средством избежать дуэли (пусть так было для Геккерена) или охранить репутацию Натальи Николаевны (пусть так было для Дантеса). Для Дантеса было ясно, что так понимал дело Пушкин. Наступил момент ликвидировать дело, и тут, когда Дантес остался наедине с самим собой, перед его умственным взором осветилась вдруг вся закулисная действительность, заговорили голоса чести и благородства, и он сделал неожиданный ход, который, конечно, был принят без ведома Геккерена и который чуть было не спутал все карты в этой игре. Об этом движении души Дантеса, неведомом для биографов поэта, мы узнаем впервые из найденных нами материалов.

В архиве барона Геккерена хранится листок, писанный Дантесом. На этом листке изложены следующие размышления Дантеса:

«Я не могу и не должен согласиться на то, чтобы в письме находилась фраза, относящаяся к m-lle Гончаровой: вот мои соображения, и я думаю, что г. Пушкин их поймет. Об этом можно заключить по той форме, в которой поставлен вопрос в письме.

«Жениться или драться». Так как честь моя запрещает мне принимать условия, то эта фраза ставила бы меня в печальную необходимость принять последнее решение. Я еще настаивал бы на нем, чтобы доказать, что такой мотив брака не может найти места в письме, так как я уже предназначил себе сделать это предложение после дуэли, если только судьба будет мне благоприятна. Необходимо, следовательно, определенно констатировать, что я сделаю предложение m-lle Екатерине не из-за соображений сатисфакции или улажения дела, а только потому, что она мне нравится, что таково мое желание и что это решено единственно моей волей».

Эти размышления набросаны Дантесом сейчас же вслед за такой заметкой, им же написанной вверху листка:

«В виду того, что г. барон Жорж де Геккерен принял вызов на дуэль, отправленный ему при посредстве барона Геккерена, я прошу г. Ж. де Г. благоволить смотреть на этот вызов, как на несуществовавший, убедившись, случайно, по слухам, что мотив, управлявший поведением г. Ж. де Г., не имел в виду нанести обиду моей чести – единственное основание, в силу которого я счел себя вынужденным сделать вызов».

Это, очевидно, составленный самим Дантесом проект письма, которое должен был бы написать Пушкин и которое было бы приемлемо для Геккеренов.

От размышлений Дантес перешел к делу. Он возмущился и написал примечательное письмо к Пушкину, также впервые появившееся среди наших материалов. Прежде чем привести это письмо, необходимо остановиться на недоумении, вызываемом первыми его строками. «Барон Геккерен сообщил ему, что он уполномочен уведомить его, что все те основания, по которым он был вызван Пушкиным, перестали существовать и что посему он может смотреть на этот поступок как на не имевший места» – вот слова Дантеса. Выходит, как будто барон Геккерен не сообщил Дантесу о письме Пушкина с упоминанием о сватовстве и будто он словесно передал об отказе Пушкина от поединка без каких бы то ни было мотивов. А в записке, писанной про себя, Дантес даже говорит о форме, в которой поставлен вопрос; значит, о письме не только знал, но и читал. В объяснение этого разноречия приходится сделать ссылку на двойственность, проникающую все поступки действующих в истории дуэли

лиц: официально – одно, неофициально – другое; все играют роли, перед одними одну, перед другими другую, иногда прямо противоположного амплуа! Официально обращаясь к Пушкину, Дантес хотел бы убедить его в том, что о письме его он не знает и отказ Пушкина от поединка дошел до него совершенно немотивированным. Дантес писал Пушкину:

«Милостивый государь.

Барон Геккерен сообщил мне, что он уполномочен г-ном¹¹⁴ уведомить меня, что все те основания, по которым вы вызвали меня, перестали существовать и что посему я могу смотреть на этот ваш поступок как на не имевший места.

Когда вы вызвали меня без объяснения причин, я без колебаний принял этот вызов, так как честь обязывала меня это сделать. В настоящее время вы уверяете меня, что вы не имеете более оснований желать поединка. Прежде, чем вернуть вам ваше слово, я желаю знать, почему вы изменили свои намерения, не уполномочив никого представить вам объяснения, которые я располагал дать вам лично. Вы первый согласитесь с тем, что прежде, чем взять свое слово обратно, каждый из нас должен представить объяснения для того, чтобы впоследствии мы могли относиться с уважением друг к другу».

Письмо это передано было Пушкину. Одновременно или почти одновременно Дантес сделал еще один «рыцарский» ход, отправив к Пушкину секунданта Аршиака с заявлением, что срок двухнедельной отсрочки кончился, и он, Дантес, к услугам Пушкина. Напрашивается предположение, не было ли письмо передано именно Аршиаком и не являлся ли составленный Дантесом проект письма от имени Пушкина руководственным указанием того, чего должен был добиваться Аршиак. Дантес не жаждал, очевидно, кровавой встречи; он надеялся на мирное разрешение вопроса с непременным условием соблюдения приличий. Мы знаем теперь, что у Пушкина в это время уже был определенный взгляд на лица и дела: брачный проект Дантеса казался ему низким и его роль – жалкой (*pitoyable*), а о Геккерене он знал достоверно, что он был автором подметных писем. Можно себе представить, какое впечатление произвела на Пушкина выходка Дантеса, предпринятая с «благородными» намерениями! В конспективных заметках Жуковского читаем выразительную строчку, не требующую никаких пояснений:

«Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство»¹¹⁵.

¹¹⁴ К величайшему сожалению, фамилия осталась неразобранной.

¹¹⁵ Письмо Дантеса к Пушкину извлечено из архива барона Геккерена. Оно, очевидно, является копией того, которое было послано Пушкину.

10

Обращение Дантеса к Пушкину с письмом и с предложением своих услуг по части дуэли произвело эффект, на который он уж никак не рассчитывал: Пушкин пришел в ярость, и Дантесу пришлось спасаться от его гнева. Вслед за упоминанием о «бешенстве» Пушкина в конспективных заметках Жуковский записал:

«Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина».

Эти фразы расшифровать нетрудно. Участником событий, очерченных в этих пяти словах, был «секундант» граф В. А. Соллогуб, оставивший воспоминания, в общем своем содержании весьма достоверные и ошибочные лишь в частности. Предоставим слово этому очевидцу и участнику, попутно указывая неточности его рассказа¹¹⁶.

Мы уже знаем, что граф В. А. Соллогуб доставил Пушкину присланный в конверте на его имя пасквиль. При встрече с поэтом через несколько дней Соллогуб спросил его, не добрался ли он до составителя подметных писем. Пушкин отвечал, что не знает, но подозревает одного человека. Граф В. А. Соллогуб предложил Пушкину свои услуги в качестве секунданта. Пушкин сказал: «Дуэли никакой не будет: но я, может быть, попрошу вас быть свидетелем одного объяснения, при котором присутствие светского человека <...> мне желательно для надлежащего заявления, в случае надобности». Этот разговор происходил до получения письма Дантеса и до истечения двухнедельной отсрочки дуэли. По-видимому, сам Пушкин уже пришел к заключению, что дуэли не будет, но получение письма Дантеса изменило его настроение. Граф Соллогуб рассказывает:

«У Карамзиных праздновался день рождения старшего сына¹¹⁷. Я сидел за обедом подле Пушкина. Во время общего веселого разговора он вдруг нагнулся ко мне и сказал скороговоркой: «Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только на счет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь». Потом он продолжал шутить и разговаривать, как бы ни в чем не бывало. Я остолбенел, но возражать не осмелился. В тоне Пушкина была решительность, не допускавшая возражений». В этом описании Соллогуба чувствуются отголоски того «бешенства», картину которого наблюдал Жуковский.

Вечером 16 ноября граф Соллогуб поехал на большой раут к графу Фикельмону, австрийскому посланнику. К этому рауту относится, надо думать, темная для нас запись Жуковского в конспекте: «Записка Н. Н ко мне и мой совет. Это было на (бале) рауте Фикельмона». Запись свидетельствует, несомненно, о тянущемся, неопределенном положении. Не только прямым участникам, но и лицам, ближайшим к действующим, было известно, что Дантес собирается жениться, а официально дело все не получало соответственного разрешения; и неизвестная нам записка Натальи Николаевны Пушкиной к Жуковскому, по всей вероятности, была вызвана побуждением ликвидировать дело.

«На рауте, – вспоминает граф Соллогуб, – все дамы были в трауре, по случаю смерти Карла Х. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на рауте не было), отличалась от прочих белым платьем. С ней любезничал Дантес-Геккерен. Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу высказал несколько более чем грубых слов. С д'Аршиаком, статным молодым секретарем французского посольства,

¹¹⁶ Воспоминания эти напечатаны в «Русском архиве», 1865 г., с. 1203–1239, и отдельно под заглавием «Воспоминания графа В. А. Соллогуба. Новые сведения о предсмертном поединке А. С. Пушкина». М., 1866. Ссылки на страницы не делаю.

¹¹⁷ Здесь память изменила графу Соллогубу. Старший сын Карамзина, Андрей Николаевич, родился 24 октября 1814 года. В это время он находился за границей. Очевидно, граф Соллогуб был на ином семейном торжестве у Карамзиных: 16 ноября был день рождения вдовы Карамзина. Екатерины Андреевны (род. 16 ноября 1780 года).

мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взял в сторону и спросил его, что он за человек. «Я человек честный, – отвечал он, – и надеюсь это скоро доказать». Затем он стал объяснять, что не понимает, чего от него Пушкин хочет; что он поневоле будет с ним стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов не желает. Ночь я, сколько мне помнится, не мог заснуть: я понимал, какая лежала на мне ответственность перед всей Россией. Тут уже было не то, что история со мной¹¹⁸. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него бы не поднялась; но французу русской славы жалеть было нечего.

На другой день¹¹⁹ погода была страшная – снег, мятель. Я поехал сперва к отцу моему, жившему на Мойке, потом к Пушкину, который повторил мне, что я имею только условиться насчет материальной стороны самого беспощадного поединка, и наконец, с замирающим сердцем, отправился к д'Аршиаку. Каково же было мое удивление, когда с первых слов д'Аршиак объявил мне, что он всю ночь не спал: что он, хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских, и что наша обязанность сперва просмотреть все документы, относящиеся до порученного нам дела. Затем он мне показал:

1. Экземпляр ругательного диплома на имя Пушкина.
2. Вызов Пушкина Дантесу, после получения диплома.
3. Записку посланника барона Геккерена, в которой он просил, чтоб поединок был отложен на две недели¹²⁰.

4. Собственноручную записку Пушкина, в которой он объявлял, что берет свой вызов назад, на основании слухов, что г. Дантес женится на его невестке К. Н. Гончаровой.

Я стоял пораженный, как будто свалился с неба. Об этой свадьбе я ничего не слыхал, ничего не ведал и только тут понял причину вчерашнего белого платья¹²¹, причину двухнедельной отсрочки, причину ухаживания Дантеса. Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел¹²².

«Вот положение дела, – сказал д'Аршиак. – Вчера кончился двухнедельный срок¹²³, и я был у г. Пушкина с извещением, что мой друг Дантес готов к его услугам. Вы понимаете, что Дантес желает жениться, но не может жениться иначе, как если г. Пушкин откажется просто от своего вызова без всякого объяснения, не упоминая о городских слухах. Г. Дантес не может допустить, чтоб о нем говорили, что он был принужден жениться и женился во избежание поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться от вызова. Я вам ручаюсь, что Дантес женится, и мы предотвратим, может быть, большое несчастье». Этот д'Аршиак был необыкновенно симпатичной личностью и сам скоро потом умер насильственной смертью на охоте. Мое положение было самое неприятное: я только теперь узнавал сущность дела;

¹¹⁸ Соллогуб имеет в виду вызов на дуэль, который Пушкин послал ему весной 1836 года.

¹¹⁹ Т. е. 17 ноября.

¹²⁰ Вряд ли такая записка была! Геккерен лично просил об отсрочке Пушкина. Если бы такая записка и была, то она находилась бы скорее в руках Чушкина.

¹²¹ Белое платье, по мнению Соллогуба, означало помолвку Дантеса и Екатерины Гончаровой, но в это время ее еще не было, так как все дело велось пока неофициально.

¹²² В этом месте «Воспоминаний» Соллогуба имеется следующее отступление, содержащее собственные соображения рассказчика: «Мера терпения преисполнилась. При получении глупого диплома от безымянного негодяя Пушкин обратился к Дантесу, потому что последний, танцуя часто с Н. Н., был поводом к мерзкой шутке. Самый день вызова неопровержимо доказывает, что другой причины не было. Кто знал Пушкина, тот понимает, что не только в случае кровной обиды, но что даже при первом подозрении он не стал бы дожидать подметных писем. Одному богу известно, что он в это время выстрадал, воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете, преследовавшем его мелкими непрерывными оскорблениями. Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы со всем светским обществом».

¹²³ Здесь маленькая неточность, Аршиак был у Пушкина 16 ноября: в это время двухнедельный срок не истек, а только истекал. Если анонимные письма были получены 4 ноября (так отметил и Жуковский, и Пушкин) и если вызов был послан 5 или даже уже 4 ноября, то двухнедельный срок кончался 18 или 19 ноября. Значит, Дантес упредил события и направил свое письмо секунданту, не дожидаясь конца отсрочки.

мне предлагали самый блистательный исход, – то, что я и требовать и ожидать бы никак не смел, а между тем я не имел поручения вести переговоры. Потолковав с д'Аршиаком, мы решились съехаться в три часа у самого Дантеса. Тут возобновились те же предложения, но в разговорах Дантес не участвовал, все предоставив секунданту».

Секундантам, действительно, было над чем поломать голову. Дантес не соглашался принять отказ Пушкина от вызова, так как отказ этот был мотивирован дошедшими до Пушкина «слухами» о намерении Дантеса жениться. В письме к Пушкину Дантес сделал вид, что этот мотив ему даже неизвестен, что отказ передан ему без всяких мотивов, и наивно требовал от Пушкина, чтобы тот объяснился с ним, дабы впоследствии они «могли относиться с уважением друг к другу».

Пушкин, ответивший новым вызовом на выходку Дантеса, был в таком состоянии, что убеждать его в необходимости вступить в объяснения с Дантесом или изменить мотивы отказа от первого вызова было бы делом прямо невозможным. И если в этом столкновении одна из сторон должна была в чем-то поступиться, то такой стороной мог быть только Дантес – так смотрели на дело секунданты; и потому в разговорах, происходивших без участия Дантеса, они решились принести в жертву его интересы. Быть может, они решились на это потому, что видели, что и Дантесу хотелось только одного: закончить дело без скандалов и поединков, и были уверены, что Дантес посмотрит сквозь пальцы на отступления от его воли, которые собирались допустить секунданты.

В результате переговоров граф Соллогуб написал Пушкину записку. В «Воспоминаниях» своих граф Соллогуб приводит по памяти эту записку, добавляя: «точных слов я не помню, но содержание верно». Записка Соллогуба после смерти Пушкина была найдена в бумагах Пушкина и передана на хранение в III Отделение. Опубликована только в самое последнее время¹²⁴. Приводим текст записки в переводе с французского подлинника.

«Я был, согласно Вашему желанию, у г. д'Аршиака, чтобы условиться о времени и месте. Мы остановились на субботу, так как в пятницу я не могу быть свободен, в стороне Парголово, ранним утром, на 10 шагов расстояния. Г. д'Аршиак добавил мне конфиденциально, что барон Геккерен окончательно решил объявить о своем брачном намерении, но удерживаемый опасением показаться желающим избежать дуэли, он может сделать это только тогда, когда между вами все будет кончено и Вы засвидетельствуете словесно передо мной или г. д'Аршиаком, что Вы не приписываете его брака расчетам, недостойным благородного человека.

Не имея от Вас полномочия согласиться на то, что я одобряю от всего сердца, я прошу Вас, во имя Вашей семьи, согласиться на это предложение, которое примирит все стороны. Нечего говорить о том, что г. д'Аршиак и я будем порукой Геккерена. Будьте добры дать ответ тотчас».

Записка Соллогуба заключала минимум желаний, с которыми можно было обратиться к Пушкину. В то же время, по содержанию своему, она не соответствовала вожелениям Дантеса; они остались пренебреженными, и текст записки не был сообщен Дантесу. Надо отметить, что Соллогуб просил у Пушкина не письменного, а словесного заявления об уверенности в благонамеренности поступка Дантеса.

«Д'Аршиак, – рассказывает Соллогуб, – прочитал внимательно записку, но не показал ее Дантесу, несмотря на его требование, а передал мне и сказал: «Я согласен. Пошлите». Я позвал своего кучера, отдал ему в руки записку и приказал везти на Мойку, туда, где я был

¹²⁴ «Переписка», т. III, № 1100, с. 408; здесь напечатан и «черновик» этой записки, предварительно появившийся в книге проф. И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина» (СПб., 1903, 292–293). Проф. Шляпкин сомневается в том, что рукопись черновика является оригиналом. И действительно странно: приходится предположить, что граф Соллогуб перед тем как написать по-французски письмо Пушкину составил еще черновик – по-русски. В действительности мы имеем дело не с черновиком, а просто с переводом французского текста на русский.

утром. Кучер ошибся и отвез записку к отцу моему, который жил тоже на Мойке и у которого я тоже был утром. Отец мой записки не распечатал, но, узнав мой почерк и очень встревоженный, выглядел условия о поединке. Однако он отправил кучера к Пушкину, тогда как мы около двух часов оставались в мучительном ожидании. Наконец, ответ был привезен. Он был в общем смысле следующего содержания: «Прошу гг. секундентов считать мой вызов недействительным, так как по городским слухам (*par le bruit public*) я узнал, что г. Дантес женится на моей свояченице. Впрочем, я готов признать, что в настоящем деле он вел себя честным человеком» «.

Это письмо Пушкина, переданное Соллогубом по памяти, хранится в архиве барона Геккерена; впервые оно стало нам известным по копии в военно-судном деле, изданном в 1900 году¹²⁵. Приводим подлинный текст в переводе.

«Я не колеблюсь написать то, что я могу заявить словесно¹²⁶. Я вызвал г. Ж. Геккерена на дуэль, и он принял ее, не входя ни в какие объяснения. Я прошу господ свидетелей этого дела соблагословить рассматривать этот вызов, как не существовавший, осведомившись, по слухам, что г. Жорж Геккерен решил объявить свое решение жениться на m-lle Гончаровой после дуэли. Я не имею никакого основания приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека. Я прошу Вас, граф, воспользоваться этим письмом по Вашему усмотрению».

В этом письме Пушкин не сделал никакой уступки. Он опять повторил, что берет вызов назад только потому, что, по слухам, узнал о намерении Дантеса жениться после дуэли. Совершенно механически он добавил только, по просьбе Соллогуба, что не приписывает брачного проекта неблагородным побуждениям. Такое письмо не могло бы удовлетворить самолюбие Дантеса, но секунданты не посчитались с ним.

Соллогуб рассказывает, как было встречено письмо Пушкина. «Этого достаточно, – сказал д'Аршиак, ответа Дантесу не показал и поздравил его женихом. Тогда Дантес обратился ко мне со словами: «Ступайте к г. Пушкину и поблагодарите его, что он согласен кончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться как братья». Поздравив, с своей стороны, Дантеса, я предложил д'Аршиаку лично повторить эти слова Пушкину и поехать со мной. Д'Аршиак и на это согласился. Мы застали Пушкина за обедом. Он вышел к нам несколько бледный и выслушал благодарность, переданную ему д'Аршиаком. «С моей стороны, – продолжал я, – я позволил себе обещать, что вы будете обходиться со своим зятем как с знакомым». – «Напрасно, – воскликнул запальчиво Пушкин. – Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может!» Мы грустно переглянулись с д'Аршиаком. Пушкин затем немного успокоился. «Впрочем, – добавил он, – я признал и готов признать, что г. Дантес действовал, как честный человек». «Больше мне и не нужно», – подхватил д'Аршиак и поспешно вышел из комнаты.

¹²⁵ «Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное. дело 1837 года». СПб., 1900, 50–51. Это письмо было представлено бароном Геккереном графу Нессельроде, а от последнего, по приказанию государя, было передано в военно-судную комиссию и по миновании в нем надобности возвращено через Нессельроде барону Геккерену. В «Переписке» (III, № 1101, с. 409) оно напечатано по копии из военно-судного дела; тут же напечатана и его «первоначальная редакция». Редактор «переписки» впал в ошибку: оригинал этой «первоначальной» редакции находится в собрании А. Ф. Онегина и совершенно правильно помечен Б. Л. Модзалевским («Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже», с. 24) как «черновое письмо от имени Пушкина, но писанное не его рукой». Действительно, это не автограф, а список, – быть может, с пушкинского оригинала, первоначальной редакции письма к j секундентам на имя графа В. А. Соллогуба от 17 ноября. Этот список не может быть беловой редакцией, так как в нем просьба считать вызов не имевшим места обращена не к секундентам, а к Геккерену-отцу. Во, второй части этого письма, кстати сказать, написанной на значительном расстоянии от первой, к концу листа, находится фраза, дающая ответ на требование мотивировать вызов. Мы уже указывали раньше, что эта фраза находится в известном соотношении к письму Дантеса. Мы высказывали предположение, что письмо Дантеса было доставлено Пушкину д'Аршиаком, но не настаиваем на нем. Возможно разделить эти моменты: сначала было доставлено письмо и Пушкин попытался отвечать на него, а затем явился д'Аршиак и разразилась буря.

¹²⁶ Граф Соллогуб просил в своей записке только об устной декларации.

Вечером на бале С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкин Дантесу не кланялся. Он сердился на меня, что, несмотря на его приказание, я вступил в переговоры. Свадьбе он не верил. «У него, кажется, грудь болит, – говорил он, – того гляди, уедет за границу. Хотите биться об заклад, что свадьбы не будет. Вот у вас тросточка. У меня бабья страсть к этим игрушкам. Проиграйте мне ее». – А вы проиграете мне все ваши сочинения. – Хорошо. – (Он был в это время как-то желчно весел)»¹²⁷.

Как бы там ни было, женитьба Дантеса была оглашена, и дело на этот раз было слажено. С чувством облегчения после всех передрыг писала тетушка невесты, Е. И. Загряжская, Жуковскому: «Слава богу, кажется все кончено. Жених и почтенной его Батюшка были у меня с предложением. К большому счастью за четверть часа перед ними приехал из Москвы старшой Гончаров и он объявил им Родительское согласие, и так, все концы в воду. Сегодня жених подает просьбу по форме о позволении женвдбы и завтра от невесте поступать к императрице¹²⁸. Теперь позвольте мне от всего моего сердца принести вам мою благодарность и простите все мучения, которые вы претерпели во все сие бурное время, я бы сама пришла к вам, чтоб от благодарить, но право сил нету». Жуковский кратко отметил этот момент в своем конспекте: «Сватовство. Приезд братьев».

Весть о женитьбе Дантеса на Е. Н. Гончаровой вызвала огромное удивление у всех, кто не был достаточно близок, чтобы знать историю этой помолвки, и в то же время не был достаточно далек, чтобы не знать о бросавшемся в глаза ухаживании Дантеса за Н. Н. Пушкиной. Приведем несколько современных свидетельств.

Вот что писал Андрей Николаевич Карамзин своей матери, узнав о предстоящей свадьбе из ее письма, посланного из Петербурга 20 ноября. «Не могу придти в себя от свадьбы, о которой мне сообщает Софья. И когда я думаю об этом, я, как Екатерина Гончарова, спрашиваю себя, не во сне ли я, или, по меньшей мере, не во сне ли сделал свой/ход Дантес; и если брачное счастье есть что-то иное, чем сон, то я боюсь, как бы оно навсегда не исчезло из сферы достижения. Этим я был очень огорчен, потому что я люблю их обоих. Какого черта хотели этим сказать? Когда мне нечего делать и я курю свою трубку, потягивая свой кофий, я всегда думаю об этом и не подвинулся дальше, чем был в первый день. Это было самоотвержение (*dévouement*)...». Андрей Карамзин принадлежал, очевидно, к той части общества, которая, по словам князя Вяземского, захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести Пушкиной.

В письме сестры Пушкина, Ольги Сергеевны, к отцу из Варшавы от 24 декабря 1836 года находится любопытнейшее сообщение по поводу новости о предстоящем бракосочетании Дантеса и Е. Н. Гончаровой. «По словам Пашковой, которая пишет своему отцу, эта новость удивляет весь город и пригород не потому, что один из самых красивых кавалергардов и один из наиболее модных мужчин, имеющий 70000 рублей ренты, женится на m^{lle} Гончаровой, – она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, – но

¹²⁷ Заключительный момент ноябрьского столкновения сохранился в воспоминаниях А. О. Россета. Со слов брата своего, Клементия Осиповича Россета, А. О. рассказывал впоследствии П. И. Бартеневу: «Осенью 1836 года Пушкин пришел к Клементию Осиповичу Россету и, сказав, что вызвал на дуэль Дантеса, просил его быть секундантом. Тот отказывался, говоря, что дело секундантов вначале стараться о примирении противников, а он этого не может сделать, потому что не терпит Дантеса, и будет рад, если Пушкин избавит от него петербургское общество; потом, он недостаточно хорошо пишет по-французски, чтобы вести переписку, которая в этом случае Должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантом на самом месте поединка, когда уже все будет условлено, Россет был готов. После этого разговора Пушкин повел его прямо к себе обедать. За столом Подали Пушкину письмо, прочитав его, он обратился к старшей своей свояченице Екатерине Николаевне: «Поздравляю, вы невеста. Дантес просит вашей руки». Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталия Николаевна за нею. «Каков!» – сказал Пушкин Россету про Дантеса» («Русск. арх.», 1882, I, 247. Сравн. еще «Русск. арх.», 1896, I, с. 279 и 1888, II, 297).

¹²⁸ Мы не могли по архивным данным установить ни дня, в который Дантес обратился по начальству за разрешением на женитьбу, ни дня, в который невеста Екатерина Николаевна Гончарова, фрейлина двора, подала государыне свою просьбу. В Архиве министерства двора сохранилось письмо Наталии Ховен к обер-гофмейстеру Нарышкину от 5 декабря 1836 года...

потому, что его страсть к Наташе не была ни для кого тайной. Я прекрасно знала об этом, когда была в Петербурге, и я довольно потешалась по этому поводу; поверьте мне, что тут должно быть что-то подозрительное, какое-то недоразумение и что, может быть, было бы очень хорошо, если бы этот брак не имел места».

Анна Николаевна Вульф писала из Петербурга своей сестре, баронессе Евпраксии Вревской, 28 ноября: «Вас заинтересует городская новость: фрейлина Гончарова выходит замуж за знаменитого Дантеса, о котором вам Ольга, наверное, говорила, и способ, которым, говорят, устроился этот брак, восхитителен». 22 декабря Анна Николаевна Вульф сообщала подробности: «Про свадьбу Гончаровой так много разного рассказывают и так много, что я думаю лучше тебе его рассказать при свиданье. Entre autres choses on pretend que Pouchkine a re?u par la petite poste un diplome avec des comes en or, souscrit par les personnes les plus marquants de la haute societe et reconnus de la confrerie, qui lui ecrivent qu'ils sont tout fiers d'avoir un homme aussi celebre dans leur categorie et qu'ils s'empressent de lui envoyer ce diplome comme a un membre de leur societe, и что с радостью они принимают в свое общество et qu'a la suite de cela s'est arrange le mariage de M-lle Gontcharoff. Pour les autres versions je les garde pour avoir quelque chose a vous raconter quand nous nous reverrons»¹²⁹. Умалчивая о подробностях, А. Н. Вульф верно передает основной факт: женитьба Дантеса на Гончаровой была средством отвести глаза, но общество, или свет, оценило этот брак надлежащим образом.

Приведем еще не лишенный интереса отрывок из письма барона П. А. Вревского к брату. Барон П. А. Вревский жил в декабре месяце в Ставрополе и встречался здесь с братом Пушкина, Львом Сергеевичем, который и явился источником его сведений. 23 декабря 1836 года барон Вревский писал: «Знаете ли вы, что старшая из его кузин, которая напоминает нескладную дылду или ручку у метлы – сравнения кавказской вежливости! – вышла замуж за барона Геккерена, бывшего Дантеса... Влюбленный в жену поэта, Дантес, выпровоженный, вероятно, из Сен-Сирской школы, должно быть, пожелал оправдать свои приставания в глазах света».

Сам Пушкин был доволен, что история с Дантесом так кончилась и что положение, в которое он поставил Дантеса, было не из почетных. «Случилось, – резюмировал Пушкин события в письме к Бенкендорфу, – что в продолжение двух недель г. Дантес влюбился в мою свояченицу, Гончарову, и просил у нее руки. Молва меня предупредила – и я просил передать г. д'Аршиаку, секунданту г. Дантеса, что я отказываюсь от своего вызова». А в письме к Геккерену Пушкин писал: «Я заставил вашего сына играть столь жалкую роль, что моя жена, удивленная такою низостию и плоскостию его, не могла воздержаться от смеха, и ощущение, которое бы она могла иметь к этой сильной и высокой страсти, погасло в самом холодном презрении и заслуженном отвращении». Таким образом Пушкину представлялось, что нападение на его честь, произведенное по вине Дантеса, отражено извне и внутри – как в недрах семейных, так и в свете. Знаменательно упоминание о том, что в цели Пушкина входило и намерение произвести определенное впечатление на свою жену, показать ей Дантеса разоблаченного и тем погасить ее чувство к нему. Показать своим друзьям и знакомым Дантеса до нелепости смешным, заставив его под угрозой дуэли жениться на Е. Н. Гончаровой, – значило для Пушкина подорвать его репутацию в обществе. Но всякая психология имеет два конца. Вышло так, что вскоре обнаружился другой конец, которым ударило по Пушкину.

¹²⁹ «Пушкин и его современники», вып. XXI–XXII, с. 346–347.

11

Отойдем от эпизода с Дантесом. Пока длилась двухнедельная отсрочка, данная Пушкиным Геккерену, и пока разыгрывались вокруг Дантеса все рассказанные нами события, в представлении Пушкина центр тяжести всей этой истории постепенно перемещался. Пушкин начал с Дантеса, «как главного виновника, давшего повод к обиде подметных писем, но ему было важно разыскать и составителей пасквиля и подметчиков. По «Воспоминаниям» графа Соллогуба, передавшего Пушкину экземпляр пасквиля в день его получения, выходит, что в первый момент Пушкин заподозрил в составлении диплома на звание рогоносца одну даму, которую он и назвал графу Соллогубу. Но Пушкин в непосланном письме к Бенкендорфу дает иные сведения: «4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма... По бумаге, по слогу письма и по манере изложения я удостоверился *в ту же минуту*, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата». Князь Вяземский сообщал великому князю Михаилу Павловичу, что, как только были получены анонимные письма, Пушкин заподозрил в их сочинении старого Геккерена и умер с этой уверенностью. «Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение...». В черновых набросках письма к Геккерену Пушкин напрямик объявляет Геккерена автором писем. В этих обрывках нам многое неясно и в высшей степени возбуждает наш интерес, но обвинение Геккерена из них можно извлечь без всякого труда. «2 ноября вы полагали, что сын ваш вследствие... <много> удовольствия. Он сказал вам... что моя жена... безыменное письмо... <у нее голова пошла кругом>... нанести решительный удар... сочиненное вами и <три экзempl>яра <безыменного письма>... роздали... Смастерили с... на.... беспокоился более. Действительно, не прошло и трех дней в розысках, как я узнал, в чем дело. Если дипломатия ничто иное, как искусство знать о том, что делается у других, и разрушать их замыслы, то вы отдадите мне справедливость, сознаваясь, что сами потерпели поражение на всех пунктах...»¹³⁰. Позволяем себе еще раз привести уже цитированный нами в своем месте отрывок из письма Жуковского: «Вот что приблизительно ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: «Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как будут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит человека в грязь; громкие подвиги Раевского – детская игра перед тем, что я намерен сделать», и т. д.

Заявления Пушкина княгине Вяземской совершенно разъясняют нам, почему Пушкин не считал нужным прилагать усилия к охранению тайны Геккеренов, о чем так убедительно просил его Жуковский; он пришел к твердому убеждению, что автором анонимных писем был барон Геккерен. А уверившись в этом, он пришел к какому-то определенному плану действий, плану, который, по его расчету, должен был окончательно уничтожить репутацию Геккерена и повергнуть его в прах. Приведение этого плана он откладывал на неделю. Кажется, будет верным предположение, что, откладывая на неделю свою месть, Пушкин ждал окончания им самим данной Геккерену отсрочки на две недели. Но вот вопрос о дуэли с Дантесом был решен 17 ноября: быть может, Пушкин так легко согласился исполнить просьбу Соллогуба именно потому, что в это время Дантес его уже не интересовал так сильно, а все его внимание перешло на Геккерена. Уместно дать слово теперь опять графу Соллогубу. Через несколько дней после 17 ноября он был у Пушкина. Если принять указанную дальше в его рассказе субботу за ближайшую к событиям и, следовательно, приходившуюся на 21 ноября, то получим точную дату этого посещения Пушкина – 21 ноября. Произошел следующий разговор:

¹³⁰ «Русск. стар.», т. XXVIII, 1880, июль, с. 520.

– Послушайте, – сказал он мне через несколько дней, – вы были более секундантом Дантеса, чем моим; однако я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет.

Он запер дверь и сказал: «Я прочитаю Вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено.... Вы мне теперь старичка подавайте».

Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день князя Одоевского), то поехал к князю Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось; через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил, и письмо послано не будет. Пушкин точно не отсылал письма, но сберег его у себя на всякий случай!»

Когда граф В. А. Соллогуб писал свои воспоминания о поединке Пушкина, документы по истории дуэли были опубликованы Амосовым в 1863 году по оригиналам, принадлежавшим К. К. Данзасу; среди этих Документов было напечатано впервые ходившее до тех пор в списках известное письмо Пушкина к барону Геккерну, от 26 января 1837 года. Граф В. А. Соллогуб утверждает, что это письмо – то же самое, которое Пушкин прочел ему в ноябре месяце: «только прежнее было, если не ошибаюсь, длиннее и, как оно ни покажется невероятным, еще оскорбительнее». С легкой руки графа Соллогуба многие из биографов повторяют, что письмо Геккерну, написанное в ноябре, Пушкин в январе только переписал и отправил по адресу. Редактор же переписки Пушкина в академическом издании печатает это письмо дважды: и в ноябре (по снимку, сделанному Амосовым с подлинного пушкинского автографа, бывшего у К. К. Данзаса), и в январе (по копии военно-судного о дуэли дела, тоже с подлинного пушкинского автографа, доставленного в военно-судную комиссию Геккереном). Но к этому сообщению графа В. А. Соллогуба надо отнестись с величайшей осторожностью. И сам Соллогуб высказывается за тождество ноябрьского и январского писем с оговоркой, да и действительно трудно, не имея перед глазами подлинников, утверждать тождество двух документов, к тому же весьма однообразных по содержанию, ибо задача и ноябрьского] и январского писем была одна и та же: нанести возможно более резкое и тяжкое оскорбление Геккерну. Трудно предположить, что Пушкин так долго хранил неотправленное в ноябре письмо к Геккерну, что Пушкин, пережив 25–26 января сильнейшую вспышку гнева и негодования, не излил свои чувства набросанным тут же злым письмом, а порывлся в своем столе, достал оттуда документ и отправил его Геккерну. Наконец, и по содержанию своему январское письмо не могло быть написано в ноябре.

Не признавая январское письмо Геккерну тождественным тому письму, которое Пушкин прочел графу Соллогубу в ноябре или точнее, – если наше предположение верно, – именно 21 ноября, мы не отрицаем реального содержания в его сообщении: по нашему мнению, оно намечает еще одну стадию в истории ноябрьских событий – ту стадию, намек на которую заключается в цитированном отрывке из письма В. А. Жуковского. Пушкин думал над осуществлением плана какого-то необычайного отомщения Геккерну. Может быть, план был таков, как рассказывает граф Соллогуб, может быть, иной. Осуществление части этого плана мы находим в известном письме к графу А. Х. Бенкендорфу, датированном 21 ноября 1836 года: «Я вправе и думаю даже, что обязан довести до сведения вашего сиятельства о случившемся в моем семействе» – так начинается это письмо. Изложив кратко историю событий до отказа своего от вызова Дантесу, Пушкин пишет: «Между тем я убежден, что анонимное письмо было от г. Геккерна, о чем считаю обязанностью довести до сведения правительства и общества. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести

и чести моей жены – почему и не требую ни правосудия, ни мщения, – не могу и не хочу представлять доказательств кому бы то ни было *в том, что я утверждаю*».

Итак, задача этого письма – обличение Геккерена-старшего, составителя анонимного пасквиля, и таким образом сильнейшая компрометация посланника европейской державы. По всей вероятности и по показаниям традиции, письмо это осталось непосланным и план неслыханной мести Геккерену остался не осуществленным ни в целом, ни в части.

Но у Пушкина создалось уже не покидавшее его глубокое убеждение в том, что главный его оскорбитель – Геккерен-старший, а Геккерен-младший – лицо второстепенное.

12

В фамильном архиве баронов Г'еккерен-Дантесов сохранилось несколько писем Дантеса-жениха к своей невольной невесте Екатерине Гончаровой. Эта письменная идиллия показывает нам, что Дантес с добросовестностью отнесся к задаче, возложенной на него судьбой, и попытался в исполнение обязанностей невольного жениха внести тон искреннего увлечения. Вот письмо, писанное, очевидно, в самом начале жениховства:

«Завтра я не дежурю, моя милая Катенька, но я приду в двенадцать часов к тетке, чтобы повидать вас. Между ней и бароном условлено, что я могу приходить к ней каждый день от двенадцати до двух, и, конечно, мой милый друг, я не пропущу первого же случая, когда мне позволит служба; но устройте так, чтобы мы были одни, а не в той комнате, где сидит милая тетя. Мне так много надо сказать Вам, я хочу говорить о нашем счастливом будущем, но этот разговор не допускает свидетелей. Позвольте мне верить, что Вы счастливы, потому что я так счастлив сегодня утром. Я не мог говорить с Вами, а сердце мое было полно нежности и ласки к Вам, так как я люблю вас, милая Катенька, и хочу вам повторять об этом сам с той искренностью, которая свойственна моему характеру и которую вы всегда во мне встретите. До свидания, спите крепко, отдыхайте спокойно: будущее Вам улыбается. Пусть все это заставит Вас видеть меня во сне... Весь Ваш, моя возлюбленная».

Вот еще два письма, весьма стильных для Дантеса: по этим немногим строкам можно схватить характерные черты его личности.

«Если бог, производя на свет два существа, которые вы называете вашими статс-дамами, хотел доказать своему созданию, что он может сделать его уродливым и безобразным, сохраняя ему дар речи, я готов преклониться и признать его всемогущество; во всю мою жизнь я не видел ничего менее похожего на женщину, чем та из вашей свиты, которая говорит по-немецки.

...P. S. Я писал сегодня утром моему отцу и передал ему от вашего имени миллион нежностей. Я думаю, что это доставит удовольствие виновнику моего существования».

Вот письмо поздравительное:

«Мой дорогой друг, я совсем забыл сегодня утром поздравить Вас с завтрашним праздником. Вы мне сказали, что это не завтра; однако я имею основание не поверить Вам на этот раз; так как я испытываю всегда большое удовольствие, высказывая пожелания Вам счастья, то не могу решиться упустить этот случай. Примите же, мой самый дорогой друг, мои самые горячие пожелания; Вы никогда не будете так счастливы, как я этого хочу Вам, но будьте уверены, что я буду работать изо всех моих сил, и надеюсь, что при помощи нашего прекрасного друга¹³¹ я этого достигну, так как Вы добры и снисходительны. Там, увы, где я не достигну, Вы будете, по крайней мере, верить в мою добрую волю и простите меня. – Безоблачно наше будущее, отгоняйте всякую боязнь, а главное – не сомневайтесь во мне никогда; все равно, кем бы мы ни были окружены, я вижу и буду видеть всегда только Вас; я – Ваш, Катенька, Вы можете положиться на меня, и, если Вы не верите словам моим, поведение мое докажет Вам это».

¹³¹ Речь идет, конечно, о Геккерене-старшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.